

Андрей Логинов

ПОРВАННОЕ ОБЛАКО

Санкт-Петербург
2007

ББК 63.8
Л69

Логинов А.

Л69 Порванное облако. — СПб.: Издательство «ТРИАДА»,
2007 — 384 с., ил.

ISBN 5-

Андрей Логинов — мастер тайны удивительного аромата, максимальной насыщенности и глубины, тут же — предельного лаконизма и оборванного намека с громадной концентрацией энергии слова.

*Издательство «ТРИАДА» выражает благодарность
Международной Ассоциации клубов КУНФУ «ТРИАДА»
за помощь, оказанную в издании книги.*

В оформлении книги использованы
рисунки автора.

ISBN 5-

© А. Логинов, 2007

© А. Логинов, иллюстрации, 2007

© Издательство «ТРИАДА», 2007

От издателя

Эта книга — уверенный, и вместе с тем ненавязчивый стук в ваши сердца. Она подана в форме своеобразного доверительного дневника, глубоко личностна и несет в себе некий знак озарения.

В «Порванном облаке» автор делится с читателем мистическим опытом откровения, поднимая свои стихи до уровня прорыва сознания через чувственное восприятие бытия.

В книге нет претензий на «правильность», она светится заявкой на истинность. Поэзия Андрея Логинова отражает жизнь как титаническую поступь человека во Вселенной, и вместе с тем, она полна тонкой лирики. Здесь есть стихи, которые незаметно переходят в миниатюры и наоборот — проза, насквозь пропитанная поэзией.

Автор сборника сознательно выходит за рамки академического стихосложения, демонстративно заявляет, что вообще любые рамки поэту тесны. Стихи Андрея Логинова требуют особого настроения и подготовки, хотя в своих смелых экспериментах он удачно находит кратчайшее расстояние к сердцам читателей, легко превращая их в почитателей. Автор кажется непостижимым проводником из хаоса в гармонию и обратно — к первозданному небытию.

Андрей Логинов — мастер тайны удивительного аромата, максимальной насыщенности и глубины, тут же — предельного лаконизма и оборванного намека с громадной концентрацией энергии слова.

Как девиз всего творчества поэта, наверное, можно привести следующие строки, как бы случайно вырвавшиеся в признании:

«Из тьмы седых веков
и света завтрашнего дня
пришел я в этот мир.
Каким же бурям чувств
я отдал свою душу!»

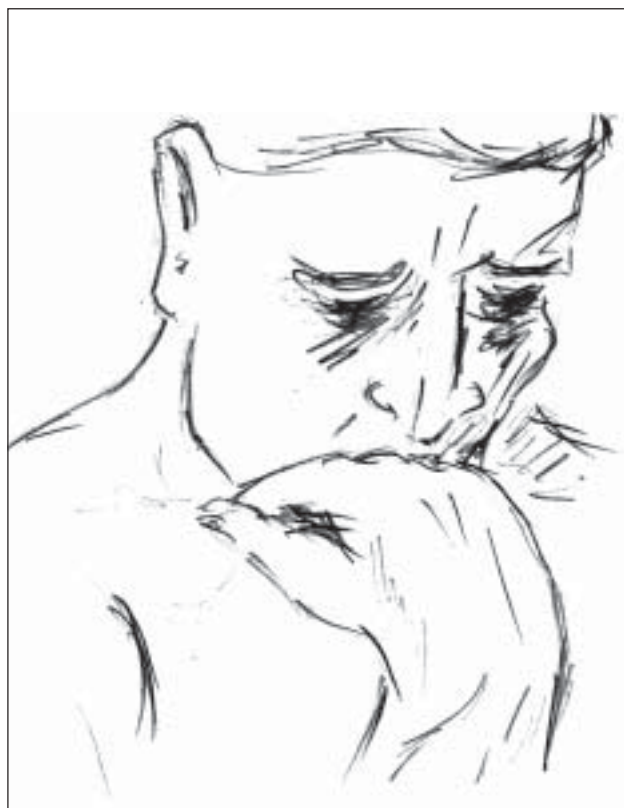
Сам автор не заигрывает с читателем, а скорее предупреждает о встрече с необычным взглядом на пронзительную осознанность своего места в мире.

По мнению Андрея Логинова, его стихи могут отозваться в горящих сердцах, готовых к вспышке озарения. Это иное мироощущение и точка отсчета в нем — ускользающая Вечность, выраженная в хрупкости мгновения.

Автор статьи не скрывает, что попал под очарование поэзии Андрея Логинова, и в силу вышеуказанного не настаивает на объективности оценки творчества данного поэта. Зато с радостью предоставляет возможность читателю самому прикоснуться к настоящему искусству высокого слова.

*Касаясь стоп Учителя,
ему я посвящаю эту книгу —
жизнь свою.*

*Я для вас, оставшихся всех дома,
растворился в звонкой тишине.
И теперь лишь только эхо грома
да блеск молний скажут обо мне.*

Это всё моя стихия,
всё мои стихи.

У каждого были в жизни такие моменты, при воспоминании о которых приходит стыд. Кто считает, что у него не было подобных моментов, тот должен стыдиться хотя бы уже потому, что он так считает.

* * *

Совестью прожженное,
явью искаженное —
сокровенное.

* * *

Совесьть, как благая вель,
сладко жжет, предупреждает.
Совесьть, выявляясь в честь,
боль души освобождает.
Совесьть, не пуская лель,
скромность в силе убеждает.
Совесьть, охлаждая мель,
чистотой ввысь поднимает.
Совесьть. Стыдно ли тебе?

Андрей Лошинов

* * *

За ложные взгляды
заложником взяли.
Стращете.
Недостатки у бога
не судите вы строго.
Прощаете?
Адвокат слабоват, запинается.
Снова бог на засов запирается.
Общество.

И самый резкий зимний холод
не так пронзителен, как холод от сердец.

Лишь частное мнение —
толпы обвинение.
На скамье подсудимый —
зачах под любимой.
Обвиняется.
Равнодушие в вину вменяется.

Андрей Логинов

Каков дух, таков и слух.

Ну и взгляд!

Вокруг позорного столба толпа.
Не видно, кто прибит, —
толпа густым кольцом стоит.
Но видно, что клеймо на лбу.
За это и прибит к столбу.
Клеймо сияньем ослепляет,
и бесит святостью оно.
Догадки ужас в чернь всеяет:
так в Вечность светится окно.
Позорный столб — удел обычный
для тех, чье сердце слишком зычно.
Чей взор пронзительный — как зов
освободиться от оков.

Три 'яви в одном явись

Яви́ недоступность —
пусть похоти трупность
язвами душу гноит у других.
Яви́ недоступность —
пусть страсти преступность
клеймо выжигает на сердце у них.
Яви́ неотступность —
поступков пусть крупность
определяет пульсом твой стих.
Явись.

Андрей Лошинов

Поэзия — это нежная ярость
или яростная нежность.
И всегда болезнь.
Бешенство сердца.

Крик

«Я шлифую душу страстью до алмазной чистоты!»

Как стон какого-то гиганта, как предсмертный
вдох бога, как неизвестно что прозвучал в ночи
этот крик. Прозвучал неожиданно, беспомощно и
вместе с тем властно.

Казалось, он лился отовсюду: снизу, с боков,
звенел над головой и внутри самих людей страхом
кипел в крови. Длился он невозможно долго. Вер-
нее, долго замирало эхо крика, неизвестно когда
влившееся в сам крик и добросовестно разносившее
его по пустынным улицам старого города. Наверное,
не было живого человека в округе, который бы не
проснулся от него. И точно не было ни одного че-
ловека, который подал бы вид, что услышал крик.
Все неподвижно лежали в своих теплых постелях
и леденели от ужаса. Тишина после крика показалась
жуткой и предательски пустой.

Город проснулся и не дышал. Ухоженный, не-
большой, он привык жить спокойной, размеренной
жизнью, из которой были исключены все непред-
виденные действия и случаи. И вдруг этот крик.

А может, это вовсе и не крик, может, это громовой раскат, искаженный горным эхом и узкими улочками? Или обвал в горах? Или что-нибудь еще, мало ли? Нет, это был крик. Крик живого существа, настолько отчаянный и молящий, что невольно сердце сжималось от жалости, и настолько ужасно пронзительный, что сжавшееся от жалости сердце замирало от страха. Забывало или боялось биться. У каждого, у всех. Город замер. Мучительно медленно и зловеще подозрительно затикали часы. Вот стукнуло чье-то сердце. Первое. За ним встревоженно заколотилось еще одно. И еще, и сотни сердец маленького городка застучали наперебой, как бы взволнованно перешептываясь об услышанном только что крике. Снова только тиканье часов и стук сердец.

Робкий писк скрипнувшей створки окна обратил на себя внимание тишины города. Заспанное, испуганное лицо выглянуло из проема на улицу, встревоженно посмотрело по сторонам, будто что-то можно было увидеть в ночной черноте улиц, и быстро исчезло во мгле комнаты. Окно закрылось, опять виновато взвизгнув.

Все как обычно, как в тысячах ночей, только вроде бы луна стала бледнее да свет звезд мертвее. И ветер дует, но не свистит. Испугался крика ветер. На цыпочках по ночным улицам носится, на носочках с дерева на дерево перепрыгивает. И луна поэтому бледна — с перепуга. И звезды помертвели от страха. Ну ничего, отойдут, отогреются. Лишь бы крика больше не было, лишь бы тишину жизни городошной не нарушил больше никто.

Все, наверное, не повторится крик. Можно засыпать. И постепенно забылся город во сне. Ровное дыхание спящих людей постепенно заполнило взорванную тишину, заштопало собой прорванную криком дыру в ней.

Потекла обыденная жизнь городковая. Ночь потекла рядовая.

Только одно окно светилось странной игрой неровных полыхов. В доме на окраине, у самых гор и тихой речки, где заканчивались мощеные улицы, горел свет. В комнате этого дома на кровати лежал человек. Его молодое сильное тело сотрясалось от рыданий. Со стороны казалось, что он обжигается о свою постель, вздрагивает, снова обжигается и опять пытается прижаться к твердому ложу.

В углу комнаты трещал камин, жадно поедая бумажную кипу листов, расписанных порывистым почерком. Измятые и изорванные, они причудливо кувыркались на раскаленной решетке, изгибались и мялись еще больше, покорно отдаваясь безжалостному огню. Вскоре в камине осталась только черная масса безликого пепла. Огонь, не насытившись, рыкнул и потух.

Юноша продолжал рыдать. Ветер начал резвиться на улице посмелее, подлетел к окну, привлеченный светом, и протиснулся в щель дымохода. Удивленно прошелестел он по комнате и дунул на лежавший около камина скомканный лист бумаги. Тот, весь обгоревший, тяжело, как раненый боец, перевернулся и замер, готовый умереть. На груди листа можно было прочесть обрывок недописанного стиха:

Кто в этой жизни я? Луч мимолетный и забвенный
в бессменном хаосе смертей. Что голос мой?
Крыла в полете шорох средь беснованья карканья ворон.
Их гвалт летит со всех сторон, и тонет в нем
крыла в полете шорох, и блекнет луч мой
в черноте вороньих спин. Ведь я один, совсем один
собой дорогу указую...

Ветер нежно пробежал по непокорным волосам
юноши, смущенно перевернул обгорелый лист и вы-
летел сизой дымкой через дымоход на улицу.

Начинало светать. Город был уже в предчувст-
вии зари. Казалось, весь его вид говорил: «Про-
жили и эту ночь. Вот оно, утро, дождались».

Звезд, сплетенных в венок,
легкий блеск ослепляет.

Тяжесть невесомости

Зябко немного душе и прохладно
обнаженной в небе витать.
Но до чего ей комфортно и ладно
сущность свою свысока наблюдать.
Солнце искрит свои космы,
звезды моргают огнем.
Всюду родной мне космос.
Ночью его люблю я и днем!

Андрей Логинов

Мир удивительно сложен и прост,
как у отшельника длительный пост.

Истома мироздания

Сумерки рассвета:
тьма, несущая в себе
готовность для бездны света.
Яркость света вечерней зари
пышет просьбой ко тьме —
прими.
Их интимной игры диалог,
стыдясь зависти, слушает бог.

«Логосу должно предшествовать молчание,
в котором он укоренен».

Прокл

Бытом забитое,
всеми забытое
Вечное.
Слишком ранимое,
в сути даримое
каждому встречающему
Вечное.
Вечное, млечное.

* * *

И научиться тишиной дышать...

Шепотом, шепотом, шепотом.
Шепотом, шепотом крик.
Коней окрыленных топотом,
эхом меня настиг...

Сыплет звездность свою суть.
Как же можно в ней уснуть?

Неба купол зовет

Россыпью
звездная пыль
в черном небе.
Росы пью:
сказка-быль,
где я не был.

* * *

Небо мой дом.
Только им я ведом!

На круги своя

К небу, сыном к отцу, обращаюсь.
Возвращаюсь,
к тебе возвращаюсь.
Прими.

Андрей Логинов

Скромность укрощает.

**Профессиональные любители,
или Ревизия в небесной канцелярии**

Жизнь — профессия почетная. Самая трудная и кажется самой легкой.

Многочисленная самая на планете и самая необходимая. Самая любимая и самая непостижимая профессия — жизнь. Как же много людей обрели эту профессию не по призванию и недобросовестно трудятся на этом поприще. Как же они мешают настоящим профессионалам — мастерам и честным ремесленникам жизни!

Уволить всех, кто жизнью прохлаждается?
Всех рассчитать, кто ей не дорожит!

Чахлости прелость —
не мудрости зрелость!

Вся жизнь отшельника в аскезе,
все мысли мудрого в миру.
Отшельник счастьем лишь грезит,
но мудрый же идет к нему.

Изменить свое мнение — это воля.
Изменить своему мнению — это безволие.

Это только тела прихоть —
душу губящая похоть.
Чувства только миражи,
вниз паденья рубежи.
Рубежи как шрамы —
рушат духа храмы.

Андрей Лошинов

Добро должно быть с кулаками?!
Нет, удел доброты — крылья!
Добро — это всегда усилие.
Взмах крыла, отрывающий от земной грязи.

Сила доброты

— Я сильней остальных. И выше.
Не из толпы — я из Вечности вышел.
— Ты сильней, сильнее и выше.
Будь же добрей, добрее, ты слышишь?

Выбор

Грызет рысь лапу, влезшую в капкан,
чтоб тут же умереть от ран,
но умереть свободной.

Не чьей-то добычей доходной —
хозяйкой уйти в небеса.

Легенду пусть помнят леса,
хранят ее — память о рыси,
свобода искрится чья в выси.

Примером на подвиг зовет.

Капкан в жизни каждого ждет.

Андрей Логинов

* * *

Всегда есть выбор у идущих,
бегущих ли или бредущих.
Понура голову склонив
иль в небо взор свой обратив.
Всегда есть выбор. Тверже шаг.
Свобода раздвигает мрак.

Огня борение со льдом
Тревога и ревность.
Два чувства. Они
полнят собой леденящие дни.
Надежда и верность.
Чувство одно.
Жарким огнем обжигает оно.

* * *

Нам вечности стража
дорогу укажет
лучом маяка.
Светит он ярко издалека.
И манит призывно
нас свет неизбывный.
На путь вдохновляет,
надежду вселяет.
И смысл придает
всему, что когда-то
произойдет.

Андрей Логинов

Повторяю, как заклятье,
я своей судьбы проклятье.
Повторяю, как молитву:
обожаю с жизнью битву!

Клянусь себя,
за безволие клянусь.
Клянусь, клянусь...
...Клянусь.
Дотянусь!
Святость.

Потерянное — всегда лучшее.

Проповедник-родник
Живительной влагой
из устья рек
истину изустно рек
пророк.
Сочащейся кровью
промок
и истек.
Живительной влаги —
сути исток.

Андрей Логинов

Ярость как изначальность яркости.

Светоч

Нога в ногу
идем строго
с болью, страстью
и огнем,
с жаром истины
при нем.

Как учение грез
Я прощение нес.
Осушив море слез.
Отведя уйму гроз.

Неявленный

Тебе, позвавшему на Путь,
мне хочется в глаза взглянуть.
С тобой, сказавшим мне «Идем!»,
лишь хочется ступить вдвоем.
Чтобы потом, когда-нибудь,
явить собою твою суть.

Андрей Мошин

Никогда не признавайся себе, что ты бог.
Ибо, раз поймав себя на этом,
ты уже не сможешь остаться смертным.

Да, я мессия. Я пророк.
И мне неведом лишь порог,
за коим грань кончается всезнанья.
Но в остальном же сути обладанье
ждет.
Грядущих апостолов ждет.
Поднимайтесь.

Творец и тварь. Другого не бывает. Человек же
брезгливо отделил себя от последнего, но так и не
смог возвыситься до первого.

Кто ты и где ты сейчас, человек?

Не хочу прощать и быть прощенным,
понятым хочу быть и понять.
Чтоб в итоге, к сути обращенным,
все же для себя хоть правдой стать!

* * *

Шейх от шаха, как мать от мата

Величие духовное с могуществом мирским
разнится, как монах с монархом.

Продолжим аналогию созвучий
с пропастью различия содержаний:

хаш — процесс (и, собственно, блюдо)
насыщения плотского;

хадж — процесс (и, собственно, результат)
насыщения духовного.

Андрей Логинов

По чести почести раздам.
Как воздаяние подам
своей души нетленный храм.
Вам.

Паломник

Поднимаюсь все глубже я вниз.
Опускаюсь все выше я ввысь.
В огонь, как в бога, зрят глаза:
свечи горячая слеза
благословеньем обжигает.
Сверкает, святостью сверкает
и откровеньем в путь зовет
никчемный быта бросить гнет.
Прощаю. Всех прощаю.
Вернусь я. Обещаю.
На всех я снизойду.
Когда Туда дойду.

Прожить бы жизнь еще одну,
а там уж можно и ко дну.
Осесть на иле мирозданья...

Память сердца
как свет солнца —
душу греет, жизнь дает,
болью к чуткости зовет.
Сердца стук.
Кто там?
Друг.

* * *

Сущий суфий

Хочешь суть собой являть?
Поверни движенье вспять!
Чтобы внутрь, а не вовне,
к свету чтоб, а не ко тьме.
В сердце зор свой обращать:
в правду ложь чтоб превращать.

Андрей Логинов

Кому требуется временная оценка,
тот либо слишком силен,
либо окончательно никчем.

Змеей извивается зная,
трепещет крылом журавля.
Сердце разжигает пламя,
его знаменосец — Я.

* * *

Мы с тобой равнодушные.
Верю в это. Лишь этим живу.

Одним наши души дышат,
Одним наши души живут.
Вселенной дыхание слышат
и с Вечностью в ногу идут.

Незапятнанная честь — неотъемлемая часть.

Сердце-стяг

Знамя мое родное
светом вьется над тьмою.
Могучее древко в руках
на врагов навевает страх.
Звездной ткани полотно
отражает неба дно.
Символ святости на нем.
Сущность — сердце. Бога дом.

Андрей Логинов

Сердцебиение — страсти знамение.
Агония размером в жизнь.

С сердцем наперегонки

Сердца стук как диалог —
бьется мягкий ровный слог.
Хочет многого добиться —
начинает торопиться.
Мир огромный весь объять:
вот бы стуком суть догнать!

Улыбка Фортуны

Загадки глиняной упрек,
как будто дьявол блин испек.
И приложил к лицу Фортуны,
чтоб отпечаток снять.

Его бы пальцами не смять,
а бережно в ладонях спрятать.
Да, видно черт умеет стряпать.

Умеет и людей кормить.

Чего уж тут его корить!

Еще бессмысленней молить
улыбку с маски подарить
и ею освещать свой путь.

Найдет ли силы кто-нибудь,
чтоб не просить улыбки тень.

Чтобы прожить хотя бы день,
небрежно отвернувшись от Фортуны?

Так в море тонущий вдруг
отплывет от шхуны,
самозабвенно окунувшись
в бездну моря.

Не видя в этом страха горе,
но только вызова восторг.

Нет, — ведут все с чертом торг,
чтоб им Фортуна улыбнулась.

Пусть спина дугой прогнулась,
и пусть холуйства жалкий блеск
давно затмил во взгляде свет гордыни.

Андрей Логинов

Надлома духа сухой треск
за смех Фортуны принимают все
поныне.

И гонятся за маской той.
Даю я этим людям бой.
Посмертной маски отпечаток
хранит насмешку мертвеца.
И без стерильности перчаток
в ней можно только ждать конца.
Сама ж Фортуна впрямь бессмертна,
удачи щедрость в ней несметна.
Но ею озаряются, кто с верою в себя,
под парусами, веслами гребя,
плывет навстречу сумасброду,
который прочь от шхуны прыгнул в воду.

«Вот эту вянущую душку —
за гривенник, копейку, грош.
Дороговато? — За полушку.
Бери бесплатно! — Не берешь?»

Г. Иванов

На рынке жизни человек
не покупатель, но товар.
Будь молод ты
иль будь ты стар,
ты все равно
ярлык цены свой носишь.
И ты обратного не сносишь,
когда тебя не оценили вдруг.
Да, и ненавидя, и любя,
и для других, и для себя
определяет цену враг и друг.

Андрей Логинов

Все, даже свою жизнь!..
Какой же бездарной должна быть эта самая жизнь,
если она есть максимум, что в жизни можно отдать.

Посмей посмешищем не быть!
Собою суть вещей явить.
И вечный космос так взлюбить,
что чувство это воплотить
в себе самом.
Хозяином, но не рабом
душою в Вечность раствориться.
Любовью в мире проявиться,
и истинностью насладиться,
и суть вещей собой явить.

«Нет уз святее братства».

Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба».

0000 (ранний псевдоним).

Гоголь (поздний псевдоним).

Необратимому процессу противостоит процесс обратимый: только самоотверженно отдав себя братству, можно оправдаться перед Вечностью. Братья же твои — Человечество.

Брат, это ты

Это ты мне, распятому,
своей пикой ребро прободаешь.
Это ты мне, огнем объятому,
хворост в кострище бросаешь.
Здравствуй, Брат.

Андрей Логинов

Терпи, казак,
атманом будешь!

Четыре нуля

Гоголь торопится. В ночь уходит.

Гоголь уходит в ночь.

Кто позаботится? Во мраке

он бродит.

Туман... туман... из тумана

прочь.

Слезы из смеха

и с кровью не вырвать,

боли с улыбки

веки не снять.

Гоголь? — Гул непонимания:

мания... мания... мания...

В чем же суть мироздания?

Смех со слезами опять!

Лишь псевдоним пустоты,

будто бы вымыслен ты.

Будто четыре нуля

это и есть только Я.

Дорога не может не звать,
даже если это путь в преисподнюю.

Путь

(глаголь повелительным наклоном!)

Слово «встань» —
животной пошлости грань.
Слово «ляг» —
устало упавший стяг.
Слово «сядь» —
лагерной седины прядь.
Слово «дай» —
конвойной собаки лай.
«Стой» слово
выстрелом убивает снова.
Только «иди» отпущением веет.
Ступаю.

Андрей Логинов

Горы, горы, гряды гор.
Острогою режут взор.
На большом стоим пути.
Нам с него уж не сойти!

Любая Школа — это не столько отрицание чужого,
сколько утверждение своего.

Школы шкала высока,
времени река глубока.
Сердце разрывом лишь вымерить.
Не батраком, но братом
войти я призываю
в ее высокий храм.
Школа.

Стыдно умирать,
когда со мною рать.
Когда со мною вера
в святое наше дело.

На подпись к утверждению

Как, Смерть, ты нам ни угрожай,
мы снимем клятвы урожай.
Вся наша жизнь пусть будет жатва.
И в этом сущность нашей клятвы.
Ее усердие и боль.
Ты к ней прислушаться изволь!

Андрей Логинов

Кто в этом мире посмеет сказать, что ему еще рано думать о смерти? Смерть отнимает все, кроме золота одиночества.

Диспут со смертью должен быть аргументирован: смешно и глупо пробовать ее разжалобить, еще наивнее пытаться ее победить.

Если же хочется небрежно порассуждать о невесомости смерти, то это надо делать либо на скользком краю пропасти, либо в лодке, которая дала течь среди штормящего ночью моря. А может, просто заглянув в глаза забиваемой на скотном дворе жертвы.

Если не махать кулаками после драки,
то лучше не ввязываться в следующую!

Прометей, или Заклинание призывом

Неужели настолько я слаб,
что всю жизнь называть себя буду —
раб!

Окруженье застлала муть —
не дает мне в глаза взглянуть.
Посмотреть мне мешает в душу.
Слышен лишь шепот — разрушу.
На ощупь пытаюсь,
но все спотыкаюсь
о камни — сердца людей.
Бей-разбей!
Тьму одолей!
Светлей все, светлей!
Верь — утолишь однажды
боль от душевной жажды.
Каждый, кто с истины взыщет,
каждый, кто свет бережет,
однажды свой факел отыщет,
которым он темень сожжет!

Андрей Логинов

Каким же опытным бойцом
должен быть мальчик для битья!

Свое ли каждому?

— У каждого свое призвание! — горделиво
прошуршал, затягиваясь на шее, самодовольный
галстук.

— Да, и каждому свой удел... — хрипло
вздохнула, полезая в петлю, пуговица.

Жизнь — бессмысленных дней вереница.
Ох, как же хочется остановиться!
Нет, братья! Жизнь — это другое...

Как темно без идеала,
Будто мрака одеяло
Вдруг накрыло сердца взор.
Тогда сразу жизнь вся вздор.
Тогда не к чему стремиться.
Чьим примером укрепиться,
Чтоб слепцов жужжащий рой
Не повел бы за собой?
Чтоб суметь душою тонкой
Все ж услышать голос звонкий.
Сквозь толпы нестройный хор
Сердца шепот: жизнь не вздор.

Андрей Логинов

Темнота, как чистота, — истинности суть.
Беднота, как доброта, — бескорыстия путь.

Черный огонь, или Втроем с Землей и Небом

Здоровая нормальность
как лишняя формальность.
Нелепа и сыта.
Не мрака пустота —
наполненность довольства.
Не знать ей беспокойства,
не ощутить и боль томленья.
Лишь недалекость умиленья
и осужденье темноты.
Туманность же мечты,
желанность заблужденья
на ощупь в продвиженьи
ей не понять.
Какое счастье: в стороне стоять
при дележе никчемности богатств.
Не знать им крепости тех братств,
которых темнота скрывает.
Она лишь тех объединяет,
кто болью сердца светит изнутри,
явив в своем единстве цифру «три».

Одной мечтой я захотел связать
трепещущие души окруженья.
Одной уздой я захотел взнуздать
крылатых жеребцов воображенья.

Печатных станков гильотины
(фальшивомонетки)

Из света лунного, что льется серебром,
поклон отдав, очистившись добром,
чеканят лик вождя.
Как блик монетного дождя,
отсвечивают спицы
колесницы,
которой правит лидер наш.
Властитель звезд и Солнца страж.
В тираж его, в тираж.

Андрей Мошин

Земные мерки как примерить
тому, кто смог в себя поверить
и сущность Неба показал?
Тому, кто шанс спасенья дал.

Наставник

Огненным шрамом
в душе оскорбленья.
Божественным храмом
печать наставленья.
Благословенье?
Руки к сердцу —
в веках прославенье.
Эхо.

* * *

Наставник — это письмо до востребования. Необходимо ежедневно приходить и стучаться, ждать послания.

Только тогда можно будет получить ожидаемое, получить и прочесть. Тогда оно отзовется в сердце стучащего, и станет он желанной тайной для последующего адресата — до востребования. Только тогда.

Не верю я, что победит неверие!

Небесный мандат

Грозно хмурятся небеса,
произвол не приемлют творимый:
слабых братьев дрожат голоса —
пал Наставник, толпою гонимый!
Он не выгреб в житейской пучине,
захлебнулся в потоке хулы.
По другой ли, по этой причине
не взлететь ему снова из тьмы.
Не подняться величием духа,
не позвать из никчемной тщеты.
Его пепел теперь легче пуха
охраняют надгробья щиты.

Андрей Логинов

«Один волк даже выступил свидетелем в мою пользу и сказал: “Ты воешь лучше, чем мы, волки”».

Ф. Ницше

**Вожака потерявшая стая
(благодать проклятости)**

В мерзлых сумерках под луною,
в небо глядя с тоской и уныло, —
строю хочется, дерзкого строю! —
лежит плотно, теплее чтоб было,
серых братьев поджарая стая.
Заждались на охоту призыв.
А вожак их, уставший от рая,
от разлуки со стаей завыв,
спит и видит заснеженность поля
и что братья за ним все — след в след.
Хоть и проклята волчья их доля,
для него слаще выбора нет!
Пули боль из груди выгрызая,
душу в клочья клыком своим рвет.
Волк вернется — он знает, что стая
вожака загулявшего ждет.

Тайвань, в ночь на третье тысячелетие

Андрей Лошинов

Душою брошенное тело —
кулем нелепым на земле.
На месте вроде все и цело,
но дух уж отдан в рабство мгле.

Круг жизни

Мозг кровавой рвотой стекал по холодному безразличному бетону и пузырился на его шероховатости. Столб, который почему-то оказался на пути мчащегося человека, безмятежно возвышался, как огромный кинжал, воткнутой в землю рукоятью. По нему стекали сейчас мечты человека, его надежды, чувства и знания, сама сущность человеческая тягучей каплей рассыпалась в грязь. Череп, этот опустевший чехол для мозгов, принявший в себя контуры столба, казалось, все еще пытался осознать случившееся. Выпученные из-под разбитых очков глаза были больше удивлены, чем напуганы неожиданной смертью. Полное жизни еще мгновение назад, тело грузно раскинулось у основания бетонного столба. В крови, зловещный, столб выглядел скорее грозным тотемом, нежели простой опорой электрических проводов. Труп же человеческий и вовсе походил на молящегося адепта, отчаянно просящего божьей благодати.

Совсем нелепо смотрелся опрокинутый новенький мотоцикл, в котором запуталась нога хозяина. Стремительно вращающееся по инерции колесо осыпало столб веселыми отблесками хромированных спиц. Тот, кто заставил это колесо крутиться, пребывал

уже нигде и ни в чем, а оно крутилось и крутилось, как крутится все живое. Крутится и утверждает: жизнь — это движение.

Невдалеке как-то обособленно лежал расколотый шлем. Его беспомощные черепки были похожи на скорлупу черного яйца. Яйца, из которого только что вылупилась смерть.

«Я есмь пастырь добрый:
пастырь добрый полагает жизнь
свою за овец; а наемник, не
пастырь, которому овцы не свои,
видит приходящего волка и оставляет
овец и бежит, и волк расхищает
овец и разгоняет их».

(Ин., 10)

Свято место густо не бывает

Поститься и пастись...

Полярность этих понятий определяет их значение. Поститься — значит обретать небесное, теряя земное. Пастись же, наоборот, — утрачивать небесное, тучнея в земном.

Пастбище, то место, где, собственно, и происходит потеря горнего, — это всегда площадь для толпы — паствы.

Постица быть не может, т. к. восхождение к небесному всегда интимноедино в сути своей и вне толпы.

Если среди овец — молодец,
почему ж среди молодца — овца?!
От мала до велика
толпа всегда безлика.

Волк-проводник

Я не рожден овцой заблудшей
по миру пастбища искать.
Прося у неба доли лучшей,
откармливать овечью стать.
Волка хищного оскал
по жизни кредо моим стал.
Рысцою одиночки-волка
топчу я пастбища без толка.
У пастырей же иногда
я расхищаю их стада!
Паствой, пастырь, поделись,
с воем взмою с ними ввысь.

«Пыль мертвых слов пристала к тебе.
Омой свою душу молчанием».

Р. Тагор

Зажжем костры свободы из жалкой плесени книг!
Не горят только рукописи!

Книга — мертвых мыслей склеп.
Трупный яд — писателя взгляд.
Тлен разложения — тираж размноженья.
Читатели — черви.
Костер — гробовщик.
Пепел лишь книги — живая мысль.
Ветром подхваченный, тянется ввысь.
Суть — ничто.

Андрей Логинов

Звезды болезненной сыпью
краснеют на чреслах небес.

Заблудившейся ласточкой режет
 летучая мышь
 крылом своим
 ночь.

И вспоротой темени кровью
 вдруг брызнули
 звезды на небо.

Горящий булыжник луны
 вход стережет
 в занебесье.

Как же его отвалить?

Бойтесь психиатрии — душа должна болеть!

Боль, бред.

Наслажденье

как наважденье.

Знамя жизни — обет.

Ум — заблужденье.

Дум громожденье

только больнее

делает след.

Боль, бред.

Знамя жизни — обет.

Андрей Логинов

Я либо бог, либо сумасшедший.
Если я сумасшедший, то сумасшедший бог.

«Безумие — это естественное бессмертие».

Б. Пастернак

Переживание как изживание человеческого в Божественное. Сколько надо мужества, решимости и усердия, чтобы выжить из ума!

Выживать из ума искренне, переживая: искрами искренности зажигая огонь сумасшествия, как священного пожара очищения чувствами, но не заблудившись в сознании мыслью.

Сойти с ума не сойдя на конечной станции из остановившегося состава, но обрушившись в пропасть безумия на полном ходу поезда, вместе с неуклюже длинным хвостом вагонов бытия, битком набитых попутчиками и попутным скарбом. Бездонность подобной пропасти, собственно, и обеспечивает бессмертие.

Примеряя робу бога.

Начинающий бог

Я взошел туда, откуда нет возврата.
Дымчатая звездность моросит.
Небольшая прошлого утрата,
Будущее за нее простит.
Память, как копилка, сохранила
Шрамами на сердце долгий путь.
И меня опять вдруг поманила
И кольнула болью: твердым будь!
Не пеняй на сломанные кости,
Не смотри на истощенье сил.
Это трус лишь скажет — брось ты!
Каждый на твоём когда-то месте был.

Андрей Логинов

Каждый восходит к Богу своим путем. Но в любом случае, чтобы до Него подняться, необходимо полностью исчерпать в себе человеческое.

Истину невозможно доказать. В идеальном случае ее можно показать. Увидеть показанное сможет лишь готовый к истине. Если в споре рождают истину — значит не иметь ее изначально и ввязываться в дискуссию с импотентной попыткой родить желаемое, но не имеемое за счет возможностей такого же надеющегося импотента со стороны оппонента.

Свергнутый бог — бог ли есть?

Развенчанный бог — бог ли?

Лишь только правящий бог кумир?

Только лишь мир правящий?

* * *

Что имеем — не храним,
потерявши — плачем.
Добродетель псевдоним,
суть зовут иначе.

* * *

С глаз долой, из сердца вон!
Не дурной ли это тон?
Появившись на глаза,
снова в сердце — как тогда?
Тут уж тоном не пронять —
сердце надобно менять.

Андрей Логинов

Если попытка — страшная пытка.

От избытка попытка:
смертью смерьте жизнь свою, —
вдруг окажетесь в раю?
Если нет, то и не надо —
тогда сразу в бездну ада.

Тень я твоя, привыкай.
Восхваляй, отдаляй,
проклинай.

Тень я твоя, привыкай.
Преклоняйся, к суду
привлекай.

Тень я твоя, привыкай.

Тени блик — твой облик

«Когда, ничтожность нашу забывая,
я тени принимаю за тела».

Данте

Повернись лицом к Солнцу, и ты обгонишь свою тень, говорили древние. Шагай к светилу, и ты забудешь про нее... Но в этом случае последняя будет неустанно красться за тобой, боясь надоесть тебе и желая тебя одновременно.

Зачем вообще стремиться обогнать тень?

Часто ли задумывается о своей тени носящий ее? Заботится, бережет тень свою? Боясь осквернения, не дает прохожим коснуться ее очертаний?

Или в порыве ярости к этому ненавистному спутнику становится перед пропастью и бросает свою тень в бездну — разобьется ли?

А может, вернее просто стать строго под солнечным зенитом, отдаться жгучему соблазну не поднять, а уничтожить свою тень, свести ее к окончательной ничтожности — себе? Так же, прячась от Солнца, хозяин тени обманывает себя отсутствием таковой,

ибо в эти мгновения он сам становится силуэтом — безличием. Но не сливается с тенью. Даже падая ниц с распростертыми объятиями, желающий слиться с тенью, лишь грубо накрывает ее. Слиться с тенью, поднять ее — значит подняться к ней же восхождением. Подняться своей сутью, чистотой ясной воли, стыдом подвига выжечь в себе возможность (и, конечно, желание) *отбрасывать* тень.

Верно: «Тень — это униженный Бог». Честь которого можно спасти лишь единением с Ним. Одно — суть гармония. И обрести таковую можно, лишь догоняя тень. Отвернувшись от светила, пойти за *отбрасываемой* тобой тенью. Только тогда тень примет твою протянутую руку и предложит пойти в гору — к единению. Чем круче будет перед носителем тени гора, тем ближе к нему будет сама тень. Выше, еще выше! Почти к вертикальным кручам вершины бытия и дальше — к запределью — единым, слившимся божеством.

Тень бога, где она?

Лишь в сердце его же
болью гложет.

Честь бережет.

И слабость хороша, если она проявляется вовремя.

Прилив робости

Волны прилива

искрятся игриво,

как звезды,

вплетенные

в пышную гриву.

Радость, как робость, —

волной по душе.

Дрожью по коже

чувствую тоже —

радости робость

приходит ко мне.

Не войдя в воду, не узнаешь броду.

Мечь за кражу юности

Титан как тиран,
его сердце как таран.
Грудь — ворота крепостные.
Устремления земные
закрывают на засов
плотских тягостных оков.

Андрей Лошинов

Разве наличие косноязычия —
это пророка только отличие?!

Банальность уникальности

Уникальность как фекальность —
тела выбросу сродни.
Пожирает ночью дни,
днем отходы извергает —
в личность уникам играет.

Дом твой последний — дубовый ларец,
жизни мгновенной логичный конец.
Темная крышка с прогнившей доской
небом не светит, а давит тоской.

Торг на небесах

Воплощает как прощает.
Плоть лишь страстью искушает.
Площадь ливнем искупает.
Грех свой чувством искупает.
Индульгенции скупает.
Сапогом в грязи ступает.
Прямо в рай.
Дай же святость ему, дай!

Андрей Логинов

* * *

Свечи с Вечностью сродни.
Сверхтекучестью они схожи.
То же
с жаром так сгорают дни.
В Вечность канут.
Бог обманут.

* * *

Время года как семя всхода.
Время года как бремя ухода.
Ростки смерти сеет, жнет.
Лучшей участи не ждет.

* * *

Живу страстей диким племенем
с исступлением.
Временем, как бременем,
живу искуплением.
Живу?

Андрей Логинов

Лучше поздно, чем никогда.
...Что, — еще позже?

Поезд вечности
как пояс верности.
Желание лишь наказание.
В назидание, в назидание.
Ключ от пояса — заклинание.
Мираж станции — обладание.

* * *

То, что негоже,
хорошее тоже.
Сущность — никчемность.
Как страстности томность,
мгновенно тягуча
туманная круча.
Пуста.
Как ясность
нетронутого листа.
Облако.

Андрей Логинов

Аватара из отары.
В табор набор —
колесить за свободою.

Равнодушье, как удушье, —
душит душу прямоюй.
И овечье лишь послушье
греет душу теплоюй.

Со свернутой шеей бродит душа.
Крылья волочит, а так хороша.

Мертвой душой за живую водой

До крика кровью,
до пули в лоб
лечусь я болью,
поверить чтоб.
Поверить снова
в блага родник.
Как Бога слово,
из тьмы чтоб возник.
Чтоб он, возникнув,
не иссякал.
К нему приникну,
чтоб силу дал.

Фригидность Фортуны

Всего лишь призрака химера,
отпущенная счастья мера.
Зато вполне реально зло —
диктует правила оно.
Короста корысти зудит,
химеру счастья норовит
у Рока выпросить в кредит.
Благо.

Андрей Логинов

«В конце концов, счастье не такая уж обязательная штука».

Г. Маркес

А счастье бывает?
Бывает... но быстро тает.
Дно иссякает.
Оно убывает,
равно убывает.
Но, к счастью, оно бывает.
Счастье?!

Блюдо блуда грязно, грубо.
В блюде сладостью томит
сущность блюда — аппетит.

Близок к смятению:
тяга к гниению
собой затмевает
дыхание гения.
Плоть.

Андрей Лошинов

* * *

Походя сытиться похотью, —
плохо ли, плохо ли, плохо ли?
Подать подать — стыдно ли?
Боль из-под лохмотьев видно ли?
Славы венец, как могильный венок,
под расписку в конторе выдали.

Делать людям добро —
наверное, это так приятно...

Нет уж веры —
чувство меры запах серы.
Глаз кровавый
слева правый.
Ход хромой
и вид срамной.
Всюду, всюду он со мной.
С искусителем в обнимку.

Андрей Логинов

Закулисный кукловод

Сообразно соблазну всегда поступай.
Ты истине этой чутко внимай.
Навеяны сладостью будут все сны.
Прислушайся, право, — совет Сатаны.

Сухой паек душевного тепла

Справедливо поступаю:

даю каждому по паю.

Паю горести и боли,
благодати нет уж боле.

По людским сердцам ступаю.

Справедливо поступаю?

Андрей Лошинов

Я на жизненном балу ангажирован судьбою.

**В ритме вальса
(белый танец)**

Рот запечатав надрыва смешком,
босиком и пешком,
вытанцовывая кровавыми мозолями,
Я веду свой вальс.

Учиться жить — значит постоянно будить в себе
жажду духовного насыщения.

Профилактика

До желчи выблюйся собой,
до сущности.
Тогда лишь выиграешь бой
на сущности.

Андрей Логинов

Как сказал мне один знакомый маньяк,
мрак вас всех ждет впереди, только мрак!

Быстротечность

Вспомню — и дрогнет сердце не в такт,
а потом учащенно забьется.

Вздогну — и вспомнит вновь сердце тот факт,
что жизнь в Бесконечность несется.

Да, только смерть бессмертна в этом мире.

Прялка судьбы

Ложное от должного сложно отделить.
Из клубочка тянется общая их нить.
Тот клубочек крутится,
вьется как юла.
Если нить распустится —
жизнь как не была!

Андрей Лошинов

Изгнанник

Правдой допрошенный,
временем скошенный.
Брошенный, брошенный
кто?

К счастью нет иных путей, нежели
чем осознание счастьем самого пути
его достижения.

Молодость мыслит

Уже двинулся в жизнь очередной новый год. Конечно, он должен быть богаче и полезнее всех прожитых нами предыдущих лет. Хочется ощутить это и закрепить в своем сознании чувство надежды на сбываемость идей и желаний, лучше мечты. Убедить себя в непоколебимости воплощений смыслового осознания полезности бытия. Элементарной нужности завтрашнего дня. Недели. Месяца. Года. Жизни всей!

Вот он — очередной новый год.

Вооружайся мечтой и вперед!

Живи во времени так, чтобы оно отсчитывало твоё приближение к намеченной цели. Страшно, если нет в жизни цели; больно, если есть цели низкие; обидно, если есть иллюзорные цели; противно, если жалкие цели есть.

Прекрасно, когда есть цели великие, а потому пока далекие и на первый взгляд кажущиеся недостижимыми.

Что может быть достойнее тех дней, которые ты начинаешь с воплощения (безоговорочно удачного) своей грандиозной надежды-мечты? Предвкушение торжества победы приятно волнует воображение, предстоящее счастье уже впустило тебя в свои

упоительные просторы, и ты, еще не ощутив достижение цели, уже вкушаешь само счастье. Трудности на твоём пути только укрепляют желание достичь свою цель. Отсюда — борьба, погоня.

Достижение цели превращается в настижение ее. Вот бы настичь ее пораньше!

А там заблестят новые. Пока еще неведомые, спрятанные в предстоящих новогодних горизонтах, они уже зовут своей неизвестностью, манят своим величием, будоражат грандиозностью своей.

Я тороплюсь к вам. Я в пути.

* * *

Страшно, когда в жизни цели нет, —
жизнь тогда безумного бред.
Больно, когда цели низкие, —
к жизни животной совсем они близкие.
Противно, если жалкие цели —
душу мещанством безликим заели.
Обидно, если цели иллюзорные, —
пусть даже они совсем не зазорные.
Жаль, если цели ты выбрал не те, —
жизнь проведешь ты в пустой суете.

Андрей Лошинов

Краткость хороша, даже если у нее нет брата.
С другой стороны, она всего лишь сестра таланта,
но не сам талант!

Желтые листья
Вечной Весны...
Ненужные мысли
скучны и пресны.

«Моим путем
идущего не вижу —
вот осень жизни».

Бася

Гусеница на листе —
это танка,
но если это гусеница от танка...

* * *

Лучше танки
на полях страницы,
чем танки
на площадях столицы!

Андрей Логинов

Храм на опушке
О бренности тела,
тщете души
кукушка пела
в лесной глуши.

* * *

В концертном зале
Остановился ночью поезд
послушать в роще соловья.
Его стараниям внимая,
сквозь сон прислушался и я.

* * *

Повисла в воздухе тишина,
и напряженнее стали мысли.
Один? Неужели один человек
в громадных просторах вселенной...
Не хочется верить в свою обреченность.

* * *

Что письма? — мысли в никуда.
Им вечность не дойти туда.
Что телефонные звонки? —
Мираж.
Общение иллюзий.

Андрей Логинов

Почему-то желание быть проще все усложняет.

Простота не в упрощении.
К истинности в обращении
простота.

* * *

Участь у участи своей,
не доверяю все же ей.
Себя вверяю я судьбам других.
Дух укрепляю я участью их.

Страсти жар как божий дар —
клубом вьется нимба пар.

Исчадие рая —
в страсти сгорая,
собою чадить.
Нетленное чудо чувства явить.

* * *

На вечный вопрос ответ:
легко заблудиться
в душевной темнице,
коль должного света там нет.

Андрей Лошинов

* * *

Вся жизнь — лихолетье,
и смерть — толчая...
По сути пустое
и есть только Я.

* * *

Еще не все потеряно,
еще ничто не найдено.
Но пройдено уж все!

Пусть скорей все пройдет.
Пусть до самой сути проймет.
Ожидание.

Каждый кулик в свое болото гадит!

Кротость голубки

Гадить на площадь,
в небе паря.
Зря ее моют глупые люди,
зря!

* * *

Мудрость змия

Иной раз просто уползти —
сильней ужалить.
Себя ужалить —
просто уползти.

Андрей Логинов

Только вперед!

Возвращение всегда есть извращение.
Некрофилией порабощение.
Мертвое вчера...

* * *

Откровение

Неутомимо,

неукротимо —

мимо, мимо.

Факир

С руки кормление,
огнем — не тлением,
достоин кто вкусить?
Вкусить, но не обжечься —
лишь жажду утолить.

* * *

Через презрение к прозрению.
Мост с односторонним движением —
никогда наоборот.
Позади всегда начало,
Вечность только впереди.

Андрей Логинов

* * *

Сквозь пыльное окно,
играя в бликах стекол,
луч солнца ищет, что согреть.
Опять весна грядет.
Дождались мы — тепло.

* * *

Бутылка, потная от влаги,
зеленой мутью глаз зовет.
И вздувшаяся этикетка
ее пузатость добавляет.
Вот истинно — все в жизни иллюзорно.

«Облетайте, цветы!
Я завидую участи вашей,
ибо сердце мое
от мучений безмерных устало
в этом бренном, суетном мире...»

Сайгц

Вчера цветы твои завяли,
и лепестки, что с них упали,
напомнили мне слезы вдруг...

* * *

Цветы, опавшие под ветром,
теперь лишь мусор
в канаве сточной...
Осенний вечер.

Андрей Лошинов

У прошлого — глубина, у будущего — высота.
Удел же настоящего — широта.
Широта, обрамляющая глубину и задающая перспективу высоте.

Чему быть, того не миновать...
Но как часто мы проходим именно мимо того, что есть.
А ведь ускользающее настоящее только и есть жизнь.

* * *

Что можно сжечь на пепелище,
когда тебе уж все равно?
Что сохранить в дырявом днище,
когда все вытекло давно?
Память.

Андрей Логинов

Жизнь перепажана мыслью,
засеяна страстью,
взрощена болью,
покошена отречением.

Кулинарный взгляд на жизнь

Сначала тесто.
Хлеб потом горячий.
В конце — сухарь, забытый всеми...

* * *

Милостыня жизни

Леность чувства и ума,
будто нищего сума.
Подаянием утробе
служат только руки —
обе.

* * *

Время черной пеленой
петлей вьется надо мной:
пошлое прошлое,
губящее будущее.
Жизнь.

* * *

Будящее будущее,
где приходящее настоящее?
Только пришлое прошлое
пошлое.

Андрей Логинов

Факт инфаркта

Душа — стрела,
а сердце — цель.
Мишень цела,
в стреле же щель.

* * *

Вспышка гнева... Родилось:
пепла горсть
людская злость.
Не сбылось, не сбылось.

Властелины

Нам ли в мире править мыслью,
нам ли правды нить плести?
Лишь к могиле скакать рысью,
только крест лишь нам нести!

* * *

Души авгиевы конюшни,
глубины бездны вековой.
Нам только мысли лишь послушны,
поступки же дают нам бой.

Андрей Логинов

Себя потерять как чужое найти.
Чтобы после опять к своей боли прийти.

Поиск себя

«Нет такой судьбы, которую нельзя было бы преодолеть, презирая ее».

А. Камю

Каждый день, возвращаясь домой, я с надеждой заглядываю в почтовый ящик. Всегда огорчаюсь и немного удивляюсь — почему там ничего нет? Я открываю дверь и сразу бросаю взгляд на пол, вдруг там лежит письмо или записка, брошенная в комнату через щель под дверью. Нет, все так же пуст плохо вымытый пол прихожей. Я окончательно расстраиваюсь и разочарованно смотрю по сторонам: может, в мое отсутствие все же был здесь кто-нибудь, может, оставил весточку на столе, на телевизоре, на подоконнике, в конце концов. Нет. Кроме пыли и моих давно брошенных бумаг, там ничего нет. Даже как-то обидно. Почему обо мне все забыли? И помнили ли вообще? Ищу общества в книгах. Беру одну, другую, третью... Все они шелестят мне своими посторонними мыслями-страницами: ты одинок, ты одинок, одинок... Захлопываю обложки одну за другой. И возвращаю книжные страсти в их мир. Включаю телевизор. С голубого экрана в мою комнату тут же врывается жизнь. Далекая, непонятная, сплошь в политических интригах и натянутых условностях. Сквозь окошко в полированном

ящике ощущаю ледящий холод пропасти, которая разделяет меня с этой жизнью. Пугаюсь ее и выключаю телевизор. Подхожу к радиоприемнику, сомневаясь — включать ли? Решаюсь и тут же жалею об этом. Безучастный голос диктора только подтверждает мою отверженность, заваливает мусором информации и как бы спрашивает: ну, убедился, что ты в этой жизни чужой? Убедился, на еще! Судорожно щелкаю переключателем волн и ищу среди них свою жизнь-волну. Сумасшедшим марафоном на всех языках проносится мимо меня гнетущая действительность. Стоп. Не могу — выключил.

Замираю в раздумье. Что же мне предпринять? Чем заняться, чтобы убежать от своего одиночества? Телефон. Может быть, мне все время звонят, а он отключен или сломан? Беру трубку аппарата и надеюсь, что телефон в нерабочем состоянии. Но телефонный зуммер исправно и четко отсчитывает мое одиночество. Он, как заводской гудок, зовет меня к своему месту в коллективе. Знать бы, где оно, мое место. И как найти этот желанный достойный коллектив.

Ни у кого нет моего адреса, чтобы мне написать. Ни у кого нет моего номера телефона, чтобы мне позвонить. Ни у кого нет желания, чтобы найти и то и другое. ...У меня совсем никого нет. Так почему же каждый день, возвращаясь домой, я с надеждой заглядываю в почтовый ящик, открываю дверь и в поисках весточки обшариваю всю квартиру? Почему так искренне расстраиваюсь, когда не нахожу их, ведь не нахожу я их никогда! Почему?

На то и срок,
чтоб он истек.

Эвтаназия

И даже если б жизни луч,
как люстры свет, возможно было б погасить,
то и тогда б нужна была
рука чужая,
чтоб сделать этот жест.

* * *

Безмятежность
как безбрежность.

Океан.
Души покой.

Андрей Лошинов

Собой быть — на луну выть.

Оборотень

«Hé! Bonsoir, la Lune.
Mourons ensemble voulez-vous?»
«Добрый вечер, Луна!
Хочешь, умрем вместе?»

П. Верлен

Дрожь предчувствия по телу
тонким бисером струится.
Как же долго вечер длится,
где же полночи луна?

15 вечер 8 луны

Ничтожество — множество ничто.

Миражи

За правду ненавидим,
За ложь боготворим.
Мы истины не видим,
Мы лишь обман творим.

* * *

Не дай забвеньё —
силы мне дай.
За страстности рвеньё
наградю рай.

Андрей Логинов

Быть на пределе —
всегда быть при деле!

В шаге от харакири

За живое задело:

кто-то гибнет за дело,

кто-то честь бережет,

кто-то порет живот.

Кто-то... Ничего, заживет

обывателя гнет.

За живое! За дело!

Смерчем с мечом.

С мечом в руке

Жить осталось недолго.
Для выполнения долга
остались минуты — часы
испарились, как влага росы.

Андрей Логинов

Хранить друзей и врагов хоронить —
так подобает воину жить!

Лепестки вишни

Юкио Мисиме посвящаю

Не в пошлой драке, не от старости
оставлю жизнь свою.

А в самой светлой радости,
в избранников строю.

Камикадзе.

Сила человека определяется его честностью.

«...Словно оседлал земной шар, зажав его между ног,
и одним взмахом хлыста погнал вперед, в черную бездну.

А мимо, царапая щеки, проносятся звезды...»

Мисима Ю.

На смерть Мисимы Юкио

Король, от почестей уставший,
шагнул на славы эшафот.

Дракон, доселе в нем дремавший,
вспорол клыком своим живот.

Андрей Логинов

Сэшкуу страсти

Дрожь предвкушения,
Блажь искушения.
Сила рукою... рукою!
В руке.

* * *

Карме наперекор

С кармой в кармане,
блуждая в обмане,
правду искать —
инкарнацией стать.

От ничтожности до возможности расстояние длиною в жизнь.

Бодхисаттва

Свечу зажечь на дне моря
и лотос в огне посадить.
Развеять собой тучи горя
и благостью всех усладить.

Андрей Логинов

Сутру с утра жду.
Сердце дотла жгу.

Сердце, подобное мертвому пеплу
Не бывает дыма без огня,
но огонь без дыма — не редкость.
Тренирую день ото дня
ожогами сердце. На меткость.

Кровь закипает в жилах:
не в силах ждать я, не в силах!

Усердные радения

Не приемлю иной судьбы:
стать бы Буддой бы!
Будто бы рана —
кровью пот, как из-под крана.
Вроде бы рано —
желанна нирвана.
Будда.

Андрей Логинов

Что роднее: далекое свое
или близкое чужое?

Гуаньинь

Слышишь —

снова где-то случилось горе!

Слышишь —

кто-то корчится от боли.

Слышишь —

ты чьей-то смертью дышишь.

Слышишь?

Нельзя дольше спать —

поднимай духоборцев рать!

Удивиться как удавиться —
вспышку нового чувства узнать.
В старом мире покойником стать.
Просветление.

Шестому патриарху

И тело наше — постоялый двор,
куда однажды не вернемся.
И сердце наше лишь постылый вор —
над кражею покоя бьемся.

Андрей Мошин

Наглядный пример для слепого
или глухой, прислушивающийся
к чужому мнению.

Выпрямление искривления

Пробили склянки 3-ю стражу.
В вечерних сумерках тумана
столкнулись тени две друг с другом.
Ждут мягкий свет луны,
чтоб пристальней взглядеться в силуэт.
Им не узнать в неясных очертаньях
былой общения красоты.
Но радость все же в сердце расцветает.
О, чуткость зверя!

Ищите виноватых в зеркалах.
Зеркало — эхо взгляда.

Рождение старика

Себя увидеть в отражении —
большое, право, достижение.
Торжествованье красоты:
стоишь и видишь — рядом ты.

* * *

Старуха сонным взором
уперлась в отраженье.
Ей видится лицо,
но чье оно? —
Сознание в смятении.

Андрей Логинов

Слепые зеркала — путешествие ко лжи.
Искренность рождает проникновенность.

Обнажение отражения

Зеркало все отражает,
отражает грязь и чистоту.
Искренность же сущность выражает,
украшает даже простоту.
Зеркало холодно, безучастно,
дна его вовек не отыскать.
Искренность же звонко, страстно
обнажает перед всеми стать.

Счастье убогих.
Ума палата цб.

Ван Гог
(автопортрет поэта)

«...Мы должны принять одиночество
и бедность».

Ван Гог
(из письма к брату)

Удар кисти —
неба дар.
Удар кисти —
кистенем удар.
Удар кисти —
сердца жар.
Удар кисти —
солнца шар.
Ухо на подносе
подсолнухом в покосе.

Андрей Логинов

«Суть в том, что я, Дали, люблю живое дыхание
мертвых гениев — и питаюсь им.

Они продолжаютя во мне.

Я — солнце, горящее среди погасших,
погребенных временем солнц».

С. Дали

Где-то там вдали

Сальвадор Дали.

Чу!

И вот он уже рядом...

Дантовы круги

Виток, виток, еще один.
Ах, как ты, Данте, нелюдим!
Разум — враг порыва.
Порыв — дитя чувств.
Чувства — семя жизни.
Жизнь — порождение разума.
Парадокс, на котором зиждется бытие.
Каждодневность пронзена парадоксами.
Парадокс — близнец случая.
Случай — сын действия.
Действие — причина дыхания.
Дыхание — следствие актива.
Актив — изначальность.
Из изначальности состоит бесконечность.
Бесконечность — душа вселенной.
Вселенная — хозяйка бытия и дочь
изначальности.
Изначальность — порыв неизвестности.
Для разума — врага порыва — изначальность
непознаваема.
Спираль вселенной новый вьет виток.
Истинность Данте — самости ток.

Андрей Логинов

Кто не считает себя великим,
тот проживет свою жизнь безликим!

Невеста

Стрелой в плече у Жанны Д'Арк
опустился боли мрак.
Как коварно лживый враг:
— Ты колдунья, Жанна Д'Арк!
Боль копьем бедро пронзила:
— Не от дьявола ли сила?
Ядро в голову попало:
— Неужели тебе мало?
Встала Жанна, снова встала.
Снова на коня и в бой:
— До победы, войско, стой!
— На костер ее, живой!
Сквозь горящие поленья
все слышали моление.
Как в горячечном бреду:
— Иисус, встречай, иду.

Доктор Че

Эрнест Че Гевара — легенда, герой.

Мир весь огромный полон тобой,
словно живую волшебной водой.

Эрнест Че Гевара,
где ты, там и свара.

Там смута и бой.

Мир беспокойный полон тобой,
словно грязною с кровью водой.

Эрнест Че Гевара —
душа Боливара.

Сыщиков рой.

Найдут и казнят, раз мир полон тобой,
этой проклятой свободы чумой!

Дай мне руку, Че.

Андрей Логинов

Славу вампира жало стяжало.

Жало кинжала
по коже бежало.
Жало кинжала
крови желало.
Жало кинжала
боль обожало.
Жало кинжала
в ножны упало:
жало кинжала
в сердце попало.
Насыщение.

* * *

Кто знает Пушкина, поймет,
что своей смерти ждал давно он.
Кто любит Пушкина, умрет,
прервав с поэтом жизни кон.
Поэт играл в нее беспечно,
хотя ведь знал, что жизнь не вечна.
Игра ж с судьбой плохая штука —
дается кровью та наука,
которою поэт владел.
Завиден всем его удел.
Любой готов бы умереть,
лишь бы уметь как Пушкин петь.

Андрей Лошинов

Никто ведь не знал
так, как чувствовал ты,
что смерть твоя дышит
свинца перегаром.
Накалом. Каким же накалом
звенела душа твоя, друг!

Черную речку саван прикрыл
льда белоснежного.
Вечер торопится. Сумерки.
Была ли карета — следов уже нет.
И выстрелов был ли нестройный дуэт?
Мерещится жаром лисья подкладка —
огонь африканский на русском снегу.
Бубном шамана, с притопом внакладку
Не могу! Продолжи ты...

В счастье полета
выстрелил кто-то.
Кто-то проверил лишь меткость руки.

Дуэль

Отчаянье чайкой подстреленной
рухнуло наземь души.
Высоту своей смертью измерило,
заблудилось в небесной глуши.
Нет, не паника это, но эхо,
отголосок на выстрела крик.
Для кого-то стрельба — лишь потеха,
страх как будто напрасно возник.

Андрей Логинов

Руки, бьющие в набат, —
муки, коим каждый рад!
Пылкого сердца пульс.

Колокольня

Сердца звонница поет —
благовеста песнь несет.
Колокольных волн трезвон —
предвещает радость он.
Перезвон колоколов —
эхо боли от оков.
Всполох — колокол тревоги,
бьют в него беды лишь боги.
Не устань, звонарь, взбираться
в колокольни крутизну.
Нам с тобою не расстаться —
не признаю новизну!

Упрямый садовник

Розы, только розы,

хотя болят занозы.

Хотя шипы колючи

и стебель жестковат.

Слезы, только слезы,

хотя их горьки дозы.

Хотя и жгут горюче

сознанием — виноват.

Розы. Хочу только розы.

Андрей Логинов

* * *

Бок о бок
Байрон и Блок.
Дыханье в дыханье
их пенье — страданье.
Стон в стон
стихов их звон.
И схожесть в вечности правах.
Неведом им растленья прах!

Блекнет блокнот — слог уж не тот.

К Гиппиус Э.

Скользкий, скользкий, скользкий мир...
Скольких, скольких надломил?
Раздавил, утопил,
скольких в пададь обратил!
Мрачный, мрачный, мрачный мир...
Мачтой, мачтой от могил
всех манил,
в изгой гноил.
Чахлый, чахлый, чахлый мир...
Часто, часто слезы лил.
Руки мыл
в крови горнил.
...Может, тем ты, мир, и мил?

Андрей Логинов

Лорд Джордж Гордон Ричард Ноэль Байрон.
Тобой — романтиком — направлен
мой дух поэзии мятежной.
В пучине жизни я безбрежной
ведом твоим лишь маяком.
С другим родством я не знаком!
Ты знамя братства водрузил
в свободе битвы. Ты убил
презренность стиля блюдолизов.
Сильней ты стал судьбы капризов
и выше призрака с косой.
Так стой же, Байрон, тверже стой,
на баррикаде безвременья.
Ты вечности уж современник,
душе мятежников — маяк.

«Я хочу не умереть — я хочу не быть».
«...Я в каждом кругу — чужая, всю жизнь.
...Мой круг — круг вселенной (души: то же)
и круг человека, его человеческого одиночества,
отъединения».

М. Цветаева

Лазурь голубую, запах весны:
буйство красок, силы расцвет
несет твоё имя в себе.

Кровь закипевшую, осенний озноб:
рока туман, заволаживающую мощь
сама несешь ты.

Кричать через годы обязываешь.

Рыдать над восходом зовешь.

И я жду все —

вот-вот придешь.

Нервно локон волос от глаз отведешь,
взглядом пронзишь и узнаешь —
руку подашь.

Ни сухо, ни нежно

ладонь мне пожмешь.

Спросишь — звал?

Робости сглотив слюну,
тебе в ответ я кивну:

звал.

Разгреби мне мыслей завал.

Андрей Моисов

Промокни мне душу собой,
окровавил ее с жизнью бой.
Давай вместе болью звенеть.
Хочу рядом с тобою петь!
Ты садись —

помолчать хочу,
будущим за любовь плачу.

Одиночество...

Мыслей пророчество.
Хочется, хочется, хочется —
но не может быть с тобой.
Все, уходи.

Слышен горна отбой.
Оставайся родной и далекой.
Под твоей буду жить я опекой,
под надежной защитой Любви.
В небытье ты меня лишь найди!

45 лет со дня петли в Елабуге

Что, паришь?

Париж для меня

Что Париж, грязь да зонтики!
Что Дега, кисти взмах.
Что танцовщицы, юбки да бантики.
Что Монмартр, революции прах.
И конечно, шансон под баян!
Пьян я Парижем, бургундским пьян.

Андрей Логинов

Волною нервною омытый,
судьбою скверною забытый.
Начало мира — край Земли.

Нечаянная радость

Три фотографии всего —
такая, право, малость!
И это в памяти его
Вьетнама сном осталось.

* * *

...Под пальмой нищий
чутко спит,
бритоголовая монашка
с зонтом на рынок семенит...

Здесь отдыхает от времени время —
круглый год лишь одна благодать.
Оброненное птицею семя
здесь обретает пышную стать.
Оперение феникса слепит.

Тайваньское рождество

В зеленых ветряных волнах
бамбукового редколесья,
на крутых склонах и горах
юются храмы Поднебесья.
Повсюду лавки и товары,
реклама и поток машин.
В саду стоит китаец старый —
с Землей и Небом он един.
В дождях прибой могучий моря,
в цветах роскошные поля.
Здесь, затерявшись, бродят двое,
чужа для них кругом земля.
Вокруг пестреют магазины,
но снега там не прикупить.
Лишь разноцветные витрины
кричат, что новогодью быть!

Канун 2000-го года

Андрей Логинов

Вот бы...

Моему бы стиху заливаться соловушкой,
моей рифме бы течь полноводной рекой.
Мне бы солнцу воспеть с его рыжей головушкой,
и негромко вещать про природы покой.
Не тужа бы нашептывать мне про тишь окружения,
как с зарей, со стихами своими вставать.
И не слышать бы в веки мне духа брожение —
только чувство любви в сердце людям сажать.
Чтоб оно разрасталось там сочными розами,
нежно пахло бы в них ароматом надежд.
Чтобы ветки деревьев бы не были розгами,
чтобы люди не рвали их пышных одежд.
Мне бы мир осыпать бы улыбками звездными,
ими б рифма светилась моя.
Наполнять бы мечтателей нежными грезами,
может, в них окунувшись, забылся б и я?
Только, видно, то участь другого поэта —
мой талант, зная, закопан был где-то.
Точно в древности глупым рабом,
чтоб не искать его снова потом!

У меня психологическая несовместимость с бездарностью.
Я чувствую в себе злое право на родство с гениями всех времен.
Родство не с их славой, но сутью.

Утверждение на отрицании

Талант — это право на вечность.

Сейчас, когда так много надо изменить, мы не
вправе быть не талантливыми.

Рождение — это шанс тебе.

Смерть — возможность для других.

Бессмертие — это твой использованный шанс,
отвоеванный у других.

Андрей Логинов

Это должна быть дорога
до самого смерти порога.
Это должен быть путь,
с которого не свернуть!

Шанс

Сила застыла
 глыбой ледяной в груди.
Гуди!
Раздувай меха в набат,
эхо множит пусть стократ.
С небом входит в резонанс —
я использую свой шанс!

Груз годов

Грузней не значит быть грозней.

Один, не значит без друзей.

И ноша лет не груз, но пыль.

И жизнь твоя не явь, но быль.

А быль, как боль —

была и нет.

И ничего, что не допет

еще один всего куплет.

На нет, ведь правда, суда нет?

Андрей Логинов

Коль в лохмотьях давно душа,
что уж брренное тело беречь...

В моем воспаленном мозгу
пульсирует слово — могу!
Сквозит из лохмотьев души
рока наказ — пиши!
Взахлеб барабанит сердце —
загнал. Никуда не деться.

* * *

Слова забытого поэта
заволновали вдруг меня.
Мне вспомнилось, что раньше где-то
их очень часто слышал я.
Слова забытого поэта,
увядшей молодости крик.
Одна всего лишь строчка — это
чувств юных ощущений миг.

Все больше слов я забываю —
невыразимое являю.
И сущее в себе несу.

Столь...

Столь робким шагом ходит лишь больной,
вновь ощутивший после долгого недуга
покорность почвы под ногами.

Столь тяжким слогом лишь узник молвит,
что промолчал один десятилетия.

Столь пылким жаром дышит лишь гигант,
который страсть свою сдержать не в силах
в огромных легочных мехах.

Столь скорбным взглядом.

Столь блеклым даром.

Столь.

Всякое знание — только преддверие чего-то более глубокого и значимого.

Каждая наполненность — это основа очередной опустошенности.

Ты готов в своем сознание
конец Вселенной воплотить?
Смеется разум — шутка!
Но шепчет сердце — жутко!
До конца. Конца своего
или Вселенной конца.
Шлю гонца, шлю гонца.
Страсть.

Андрей Логинов

Свобода — это когда не можешь иначе.

Судорожная готовность

Мелодичность пения —
даровитость гения.
А вот судорга надрыва,
боль от творчества порыва,
немота в избытке чувств —
где изящество искусств?
Легкость где и гармоничность?
Здесь видна лишь только личность!
Только в ранах весь творец.
Как измученный боец,
знамя рифмы водружает.
Он других опережает
болью, кровью и грехом,
честным в судорге стихом.
Нет, не мелодичность, —
я другого мнения.
Я за судорожность —
честность пения!

Экспозиционист

С листа поэзию читать,
как выставлять в витрине статью.
Стать как суть.
Суть как боль.
Сладость.

* * *

Страдание и сострадание
как знание и сознание.
Избранное как извращенное:
вырванное — мертвое.
Твое.

Андрей Логинов

Где же взять столько крови,
чтоб ею писать стихи?!

Как страшно сознание носить,
что кровью своею можно
лишь пядь земли оросить...

* * *

К музе

Твоя покорность —
лишь уступчивость больному.
Моя неукротимость —
мятежность лишь раба.
Согласие?!

Выжимает сильнейший.

Я родился и вырос
в химерной стране,
где реформы давались
как бал сатане.
СС с добавкой ЭСЭР —
СССР.
Вычернила добела.
Довела, довела.
Россия.

Андрей Логинов

От маршевой речевки —
к личному осознанию

Офицеров выбрав судьбы,
постоянно вы должны
помнить, что за вашей грудью —
грудь родной для вас страны.
Не защитник Отечества,
а заложник овечества.
Русь.

Страсть как власть.
Власть как в пасть
впасть.

Генеральский хор
(с приплясом)

Пулю в лоб —
Шлеп!
Шею в петлю —
не в ту!
Яд в рот —
да не в тот!
Сам в гроб —
а, чтоб!..

Андрей Логинов

Желание выживания —
желваков жевание.

Солдатское эхо

Слезой скатилась мне в сердце пуля.

— Люблю Я!

Осколок рыданьем мне грудь занозил.

— Отлюбил!

Смертью своею вечность пронзил.

У Вечного огня

Мрамор читает седой ветеран,
медали закрыли шрамы от ран.
Как будто от злого ветра
глаз заблестел ответно.
Из памяти комья горьких минут
спазмами в горле слезы влекут.

* * *

Избито, изжито, забыто.
В мертвой плесени мысли зарыто.

Ветераны России

Ничто не забыто — зарыто давно.
И тем, кто в земле, уже все равно.
Никто не забыт — хрипит инвалид,
завидуя тем, кто забвеньем убит.

Андрей Логинов

Принуждение к пробуждению.

Русь, с резным крестом в груди,
ступает гордо сквозь века.
И призывает люд — приди!
Тоскою полна слез река.
Явись воочию ты, чудо.
И пусть удавится Иуда,
и грешники пусть сгинут все.
Пусть скорбь останется во мне,
но не умножится пусть больше.
Дорога кажется мне дольше,
когда несу я на плечах
дедов проклятие и страх,
которым полнится страна.
Пусть торжествует сатана,
но не сочится больше боль.
Ты сохрани меня, юдоль!
Укрой меня своею свитой.
Пусть будет боль моя сокрыта
блаженством веры в мир иной, —
надеждой ты меня закрой.
И успокой, и дай мне силы
душой покинуть гниль могилы,
собою к бою призывать —
устал народ славянский спать!

«И роза, брошенная другом,
больнее бьет, чем камень,
брошенный врагом!»

Мансур Халладж

Мужская дружба — это кремень, от искр которого пламенеют сердца.

Она, как и взаимная любовь, возможна (может полнокровно жить) только под девизом: если не вместе, то навстречу друг другу. В противном случае это агония.

Ко всем моим потерянным друзьям

Вы все остались верными —
я потерялся в жизни сам.
Найдусь и вернусь.
Дождитесь.

Андрей Логинов

Последнюю хлеба горбушку, что пополам —
целую другу отдам!

Спасибо вам, Учителя,
за то, что я есть только Я.
Спасибо вам, друзья мои,
что души вверили свои.
Храню.

И примет длань дающая.
Дающий да обрящет.

Февральской ночью
в Боткинском бараке

Липка ладонь, но скользко —
не ухватиться

за жизни колею.

Уже не важно, сколько
попыток тщетных было

остаться на краю.

Сейчас стекает в руку
своя густая кровь.

Сочит собой разлуку —
себя к ней приготовь.

И мысль, хоть слабо, — гложет:

а вдруг, в последний раз,
ну может быть, ну может,
что кровью полный таз
грехи иглой отпустит,
но жизнь оставит мне.

И я, устав от грусти,
увиду свет на дне.

Свет завтрашней надежды,
пунцовый свет зари.

В промокшей им одежде
струятся пузыри.

Андрей Логинов

Из гроба-постели мне хочется встать.
Брата услышать, мать увидеть.
Встать, отряхнувшись от тьмы вековой,
От света прищурясь, пойти за Тобой.

По реке, по Лете
(рассуждения покойника)

Гроб-ладья в бурном времени
Волною кипит сединою у темени.
Я ведь начал с истоков,
Доберусь ли до устья?
Бьюсь о камни пороков —
Доберусь, доберусь я!
Киль судьбы пучину режет,
О греховность сплошной скрежет.
Мне бы выправить плот
В океан мироздания.
Мне бы вытравить плоть,
Дух оставить — сознание.
Догребу ли я в гробу?
Догребу, догребу.

Андрей Логинов

Ты в подвигах, как в буднях.
Ты в буднях, как в огне.

Памятник

О чем грустишь ты, воин в латах,
о чем задумался в седле?
Быть может, лет прошедших даты
покоя не дают тебе?
Быть может, память о былинных,
геройских будней полных дней,
гнетет тебя дорогой длинной
и шрамы делает больней?
Ты одинок в своей печали,
в ней недоступен для других.
Ты потерял друзей в начале,
и вновь не обретишь ты их.
Твой меч, боями закаленный,
собою указывает путь.
На вечность бронзой обреченный,
с него не сможешь ты свернуть.
Конь, в камень утопив копыта,
один лишь слышит твой призыв:
вздыбился на скале гранита,
веков усталость позабыв.
Весь облик твой — отображенье
победы мужества, добра.
И ждешь ты новое сраженье,
нас призываешь в бой — пора!

Волшебство ночи

Серость вселенной, бледность луны.
Слепая беззвездность — тучи видны.
Блики строений, море теней.
Но и от них здесь не станет темней.
Мрачности царство, полутонов.
Грязных, сырых и грузных домов.
Беспомощность света, небо без дна.
Лишь изредка где-то четкость видна.
Огней светофоров моргающий тик.
Да длинный фонарь, что уныло поник.
Но светит он, светит упрямо,
свет разливая гордо и прямо.
Тщетность затей — блекнут лучи
в серой промозглости этой ночи.
Сочной росой слезинки огня
брызжут капелью от фонаря.

Зря!

Зря!

Зря!

Всюду пустые глазницы окон
обескураженно хмурят фронтон.
А сверху на все это царство теней,
никак не понять нам, ночей или дней,
взирают бесцветные очи
сказочной белой ночи.

Андрей Логинов

Мой проспект

Уютную церковь, игрушку-собор
сразу встречает твой ищущий взор.
Святая обитель вратами в раю
манит иконой влюбленность твою.
Благоговейно идешь ты у края.
Своды проспекта, тебя пропуская,
замерли в чудной гармонии той,
что не разрушит и время прибой.
Арки-туннели, зевом пугая,
в чрева домов темнотой зазывают.
Каждый, разинув беззубый свой рот,
безвольных прохожих страстью зовет.
Дальше идешь ты, в проспект погружаясь.
Кажется, своды, все больше сужаясь,
душат в холодных объятьях колонн
воспоминаний сладостный стон.
Витрины-глаза магазинов, ларей
призывно взирают на толпы людей.
На площадь с толпой вытекаешь и ты,
как будто бы вынырнул в мир из мечты.
Хоть Питер огромный весь обойдешь —
короче проспекта ищи — не найдешь!
Проспект завершает ворот монолит,
на них колесница с Никой стоит.
Память потомкам о битвах великих
застыла на бронзовых воинов ликах.
Привет триумфаторам, едущим здесь!
Вас Нарвский встречает — пред вами он весь!

Ж. Д. Синематограф

Одно лицо у проводницы —
вязанье, проткнутое спицей.
И стук колес ритмично-строен.
На нем весь долгий путь построен.
Качанье мерное вагона
ладьей по морю — в грязь перрона.
Экран окна, фильм монотонный,
где пленкой — поезд многотонный
в сюжетной линии идет.
А пассажир развязки ждет.
Когда окончится кино —
блеснет в стакане чая дно.

Андрей Логинов

Трюкач. Кадр твоего имени

Замирают все — мотор!
Вспыхнул ярко монитор.
И шагнул человек в столб огня,
упал человек с коня.
Ушел человек под лед,
на пути машины встает.
Снято, но нужен дубль!
За искусство идет человек, не за рубль.
Растер сухожилье, проверил «защиту» —
снова будет ударом пробита.
К съемке готов, ждет команды: «Мотор!»
Сейчас расстреляют — все пули в упор.

С барского плеча судьбы

Суть одно — яйцо иль камень.
Сердце или в кровь кулак.
Обжигает, словно пламень,
жизни брошенный медяк.
Плетью хлещет подаянье,
милость — жалости кусок.
Не удержишь увяданье,
в грудь не вприснешь свежий сок!

Андрей Логинов

Осень морозная... Возраста крен.
Достойных от жизни
не ждешь перемен.

Порванным облаком падает снег,
виски пороша серебристой поземкой.
Уставший от вечности времени бег,
давно заблудившись в межзвездных потемках,
сгружает прилежно сроков поклажу.
Плотней все прессуя наши года.
Морщинистой всц, почему-то не глаже,
в лиц отраженьи мутнеет вода.
Поступи нашей слабей отпечатки,
согбенней отбросы теней на стене.
Дряхлости кожи не сжечь уж перчатки,
не выровнять холм на оплывшей спине.
И скоро совсем уже в кресле плетеном
останется только брошенный плед.
Дом наш уютный бродяжьим притоном
вдруг обернется идущим вослед.
Когда пьяный бондарь, неровно стругая,
на доски для гроба распустит самшит.
И ямы соблазн, пургою скрывая,
клочками от облака запорошит.

Андрей Лошинов

Мои стрелы откровенья
в ровномудрия проницают.

На 27-ю весну

Весна распахивает двери,
стучится солнышком в окно.
Ребенок каждый твердо верит —
от материнства все тепло.
Любой малыш спросонья: мама!
Любой отец чуть что: жена!
Недаром чувств весенних гамма
есть праздник женский — суть одна.

На 47-ю весну

(всего-то 20 осеней минуло)

С приходом весны
пусть сладкие сны
страстной явью продлятся.
Сюжеты пусть снятся
желанных картин.
Где я стою рядом.
С тобой, не один!

И взяла монашка лучшее, что есть
в движении журавля и змеи.
И через образы их к истине подошла.
И передала перед уходом сущее
юной красавице с именем Юн Чунь.
И расцвела Весна Вечная...

По просторам Вечной Весны

Ты змея, а я журавль —
только вместе мы Юн Чунь.
Ты вода, а я корабль —
по твоим волнам лечу.
Твоим ветром наполняю
своей страсти паруса.
Экипажу объявляю:
держим курс на небеса!

Андрей Логинов

Счастью преданно служи —
правду отделяй от лжи!

Не суди меня так строго —
это избранных дорога,
к которой мы с тобой идем.
Ткань небесную плетем.
Из которой покрывало,
что до нас ведь не бывало,
укрывает страстность душ.
Любящих попасть под душ
звезд косматых и желанных,
благодарных, не жеманных.
Жить под сенью звездопада,
вечность пить — лишь это надо,
милая, с тобою нам.
Оказаться чтобы там.

Не земное нам дается, но небесное.
Для других пусть остается все телесное.
Ты истина — истинна ты.
Сущность моя, сердце моего Я.

Двое в любви

Два сумасшедших, друг друга нашедших,
в мире огромном живут.
Два сумасшедших, с неба сошедших,
возвращения к Вечности ждут.
Два сумасшедших.

Андрей Лошинов

Меньшинство —
не всегда меньшинства.

Вселенная — это пространство между «Я» и «Ты».

Познать мир, исчерпать его потенцию для наших свое «ты» — значит воплотить в себе идеал Гермафродита: уничтожив расстояние между «Я» и «Ты», слиться в единое, то есть воплотиться в Вечность. Тогда в ранг абсолюта восходит понятие «Мы». Мы как я, мы как ты.

Мы — космос.

Поклон тебе, Царица...
С гордынею смириться
и на колени стать.
...Я обожаю твою стать.

Коронация царицы

Будь глазом моим и сердцем,
душою моею будь.
Пожелай моей болью одеться,
пусть ею вздымается грудь.
Тогда только чистую святость,
какую в себе я ношу,
ты с кровью примешь, как радость
жертвы закланья ножу.
Тогда только в мир совершенства
взлетишь ты, крылами шурша.
И примешь корону главенства.
Ох, как же ты в ней хороша!

Андрей Логинов

Смиренна. И только
взгляда ее пламень
все выдает.

Гордый титул царицы
должен в сердце храниться.
Радужным нимбом корона,
сиянье точеного трона.
Должно все в душе таиться
у истинной неба царицы.

Наша любовь как бездонность вселенной —
вспышка огня в этой жизни мгновенной.

Неспешащей

Догораю, дорогая!
Страсть души, испепеляя,
светит ярким маяком.
Путь тебе к нему знаком.
Торопись же. Челноком
твоим утлым не успеть
песню чувства вдвоем спеть.
Ты оставь его. И вплавь
парусом желанья правь.
Стань бегущей по волнам.
Жаром страсти я воздам.

Андрей Логинов

О, сколько значит робкий поцелуй!

Уголек в ладонях

Прикосновение губ любимой. Одно всего лишь прикосновение.

И уже огонь. Уже маленькие красные угольки зажгли пламя.

Пламя костра... Пожара... Огненного смерча чувств, который готов сжечь все.

Всего лишь одно прикосновение. Губы любимой.

Обожаю каждую страницу
дней прекрасных,
прожитых вдвоем.
Где тебя —
мной пойманную птицу
страстью я кольцую,
как огнем.

И только...

Мне бы слышать твоё лишь дыхание.
Чистой птицы крыла порхание.
Мне бы чувствовать лишь сердца биение.
Сокровения откровение.
Мне бы видеть лишь облик твой.
Лучезарной святости. Неземной.

Андрей Логинов

Ночь нежна

Поцелуй твой в уста медовый,
искрящийся счастьем взгляд.
Желанный сон, не бредовый,
вижу в нем твой воздушный наряд.
Ты плывешь в нем — само совершенство,
рядом птицы поют и цветы.
И блаженство несешь мне, блаженство,
и меня принимаешь ты.

Собой освещаешь млечный мой путь...

Рассвет

Светает, святая,
пора улетать.
Чтоб, в воздухе тая,
мечтать позволять.
Чтоб снова ждать ночи,
когда прилетишь.
Желать, что есть мочи —
живешь, как бы спишь.
Во сне пребывая,
всегда я с тобой.
Так, явь убивая,
веду с бытом бой.
Его не приемлю
я в форме иной —
святую лишь землю,
лишь землю с тобой!

Андрей Логинов

Нервом дня моего,
пульсом ночи...
Имя твоё.

Твоим именем живу.
Именем как знаменем.
Знаменем как пламенем.
Твоим именем я жгу.
Ты дыханье и мысль.
Ты желанье и смысл.
Ты.

Блаженные

Протянись ко мне чувственно мыслью,
обратись ко мне страстно душой.
Мы с тобой обнаженные вышли,
чтоб пройти экзекуции строй.
Нас хлестать будут ветры разлуки
и пинать будут сплетни взახлеб.
Но нужны испытания муки,
укрепить правоту нашу чтоб.
Чтоб сквозь строй нас, друг друга ведущих,
исстегали бы судьи сполна.
Чтоб дающих нас, впредь не берущих,
омывала блаженства волна.
Чтобы стигмы наши блаженства
в беспримерной своей стезе
всем сияли как знак совершенства —
отраженьем вселенной в слезе.

Андрей Логинов

Все это сложное мироустройство
я принимаю только с тобой.
Не для того, чтоб добиться довольства,
а для того, чтобы выдержать бой — с суетой.

Ты слышишь?

Ты для меня всех нужней
в этом мире,

всех роднее и ближе.

Остальные — неизмеримо —

дальше и ниже,

но ты же...

Ты для меня всех важней

в этом мире,

всех больней и дороже

тоже.

Остальное — невыразимо —

малозначимей, никчемней даже.

В радость ли, в тягость ли — буду с тобой!

Ты не останешься одна.
Я чашу пью с тобой до дна.
И даже если ты захочешь,
чтобы я рядом не стоял, —
то все равно и дни и ночи
мой дух тебя бы охранял.

Андрей Логинов

Не джином в банке,
не иконой в рамке —
буду собой я служить.
Безраздельно тобою жить!

Ты чиста, не можешь лгать.
Словно греческая статья
аргументом совершенство.
Неизменное блаженство
твою жизнь своей считать.
Несомненности главенство —
свою жизнь тебе отдать.

Могучий трепет крыла:
родная, где ж ты раньше была?

К Леде на крыле

Бледною зарею по небу тоска.
Камышинный чуб ветер теревит.
Легкая волна гладит тишь песка
и покой реки серебром блестит.
Робким вздохом ряби кружится вода,
будто бережку журчит мило — да.
Нежный взгляд заката розовой слезой
окропил тропинку от реки домой.
Ты идешь — не дышишь, будто не жива.
Рядом говор слышишь — шепчется трава.
Провожают птицы в небесах тебя.
Среди них томится гордый лебедь — Я.
Поклонись погоже батюшной змее,
обратись, быть может, к блуднице-луне.
Пусть они подскажут, где он — терем твой.
Путь тебе укажет добрый волка вой.
Подойди к порогу и взмахни платком.
Я найду дорогу — с неба снежный ком.
Заколдуешь негой мою птичью стать,
только вот лишь мне бы в страсти не отстать.
Не завянуть раньше твоего венка.
Не осилить фальши — шея так тонка!
Слишком чист и мягок пух лебяжий мой.
Вдруг тебе он сладок только как подбой.
Только для перины перья хороши.
Нет другой причины — сети для души.

Андрей Логинов

Встреча с лебедем-царевной

От любых невзгод закрою,
от всех бед уберегу.
Платье царского покрою
и шатер на берегу.
Проведу по счастью чутко,
в наслажденье окуну.
В венке вьется незабудка,
звоном полнит боль-струну.
Дам сполна собой напиться,
страсти терпкого вина.
Лебедем плывет девица,
чувством светится она.
Предложу навек остаться
под защитой моих рук.
В той девице, может статься,
отзовется сердца стук.
Переключкой тех ударов
станем мы часы считать.
Отблеск чувственных пожаров
будет красить нашу стать.

Как глоток воды в пустыне
нужно слышать голос твой.

Надорванность, кровавящую душу
промакиваешь бережно собой.
Так ласково облизывает сушу
шипящий пеной благодати прибой.
И загнанность измотанного сердца
ты осторожно наполнишь добротой.
И начинает сердце греться,
едва услышав голос золотой.
Твой.

* * *

Перековка

Растоплен воли всей моей металл.
Не грузнет мне она железною твердыней.
Как зря вознес ее на пьедестал —
она смирилась пред любовью,
став рабыней.

Андрей Логинов

Тебя намного в моем сердце больше,
чем может сердце уместить!

Пульс на заказ

Сердце-птица, можешь биться
так, чтоб с милой мог я слиться?
Сердце-птица, не томиться,
а к любимой устремиться!
Сердце-птица, голубицей
устремиться, так чтоб слиться!

Только вместе

— Дай мне почувствовать, что же такое Любовь? — допытывался разум у сердца.

— Мне некогда думать об этом! — взволнованно стучало в ответ смущенное сердце, боясь признаться разуму и себе в том, что оно тоже не знает о Любви буквально ничего!

*Уже грядет жеребец вороной,
хрусталь высекая точеным копытом
из черного льда.*

Андрей Логинов

Биология в географии

Извержение вулкана —
в лоно гор стекает лава.
Недра рвутся вверх — наружу,
плавят жаром снегов стужу.
И снега потоком бурным
красят поле в цвет пурпурный,
орошая чернозем.
Радугой цветет на нем
пышных трав ковер душистый.
Аромат лучистый, чистый
пьянит благодатью. Итог:
сочных трав высокий стог.

Только чужая душа потемки!

Мудрость — это разум, прошедший через страстность чувства.

Поэтому и утро вечера всегда мудренее: тот же ум, но обогащенный (оплодотворенный) безумием ночной боли страсти. Когда мысли в смятении уступают место взрыву чувств.

Помудревший — это узнавший томь сердца, открывший для себя интуицию и ставший благородней, терпимей и глубже — иррациональней.

Лукаво же мудрствовать — корысть творить, мельчать и, испачкавшись, оглупеть в итоге. Огрубеть в Боге.

Андрей Логинов

И слово «Вечность» успеть выложить из льда...

Чтобы жить в сказке, надо быть сказочным героем. Даже чтобы попасть в высмеиваемые персонажи, необходимо сполна проявить цельность хоть в этих качествах. Иначе образ будет совсем не показательный, т. е. не сказочный.

Дурачок ты или злодей, патологический скряга или принц-богатырь — не важно. Главное — яркость своего понимания жизненного пути, умение проявить его своей сутью (пусть неудачника, неряхи, палача, в конце концов).

Если, примерив сказочный кафтан, ты не найдешь себе места в сказке из-за вышеупомянутой несостоятельности, то отчаивайся. Отчаяние — это грань подвига, за ним должно стоять действие. Начав же действовать, ты явишь собою акт творения новой сказки.

Разве не выход — творить свою сказку, не найдя себя в предыдущих?

Увы, тебя здесь ждет ловушка!

При всей внешней заманчивости (еще бы, казалось, в своей-то сказке ох как себя преподать можно, и красну девицу вынудить влюбиться, и конец достойный состряпать!) в этой перспективе кроется тупик: сам сказочник оказывается фигурой нейтральной, стоящей за сказкой, но не в ней самой. Более того! Сказка всегда живет своей жизнью, автор к которой не имеет никакого отношения. И финал

здесь непредсказуем — счастье ли, трагедия ждет сказочного героя, этого не может сказать даже сказочник. Во всех заявленных в мир сказках ранее — да, все известно и ясно. Хотя так ли уж ты в них разобрался? Как тебе следующий взгляд:

...Запредельная чуткость Принцессы, которая, несмотря на обилие матрацев, все же чувствует под собой горошину, не может не восхищаться. Эта боль сродни обманутым в своей ответственной принципиальности Синей Бороде и мужественной доверчивости Голого Короля.

В прямоте бескомпромиссной честности они резко контрастируют с такими псевдогероями, как, например, дешевый авантюрист Храбрый Портняжка. Да, тот семерых одним ударом! Даром что мух...

Еще раз — отчаивайся!

Твори свою сказку, становись сказочным героем. Сказочником, который должен всю жизнь писать сказку о высокой любви и преданности, о самопожертвовании и служении Долгу, преподавая таинства Бытия, отрицая само Бытие.

Чем не сказка получится?

И счастье в трагедии (но не трагедия в счастье) обеспечено.

Мораль сей сказки имморальна.

...А жить-поживать, это что — добра наживать?

Ты достоин сказки.

Белая дама в черных перчатках.
Добрая фея, но смерть принесла.

Зазеркалье

«Алиса, сказку детских дней храни до седины.
В том тайнике, где ты хранишь младенческие сны».

Льюис Керрол

Ты, как Алиса, вела меня за руку в Зазеркалье.
И, затаив дыханье, в него я погрузался,
про все забыв и всех оставив.
Какое чудо — рядом ты...
И мы в другой стране — волшебной,
где судей нет и нет виновных.
Где счастливы навеки все.
Навеки ль?
Пока живут там, а живут там вечно.
Как жаль, что мы с тобой, Алиса, гости в Зазеркалье.
Что надо нам преодолеть грань бытия опять,
и снова быть среди людей. В пустыне...
Снова осуждать, самим в виновных слыть.
Жить так, как будто и не жить,
а просто рядом с жизнью быть.
И не уметь любить...
Знать про любовь, но не уметь любить —
что хуже, что страшнее может быть?
Родить любовь, потом убить.
И труп ее в душе носить.
И расточать собою яд любовный.

Яд нежный, сладкий, часто томный,
но смерть всегда несущий.
О трупный яд, о яд любви!
Как нужен мне ты, как необходим!
Готов тебя я пить всю жизнь, и умирать,
и снова пить без устали все время.
Надеясь, что руку ты возьмешь мою
своей рукой прохладной,
и переступим мы грань бытия опять.
Смотри: мы в Зазеркалье снова.
Где судей нет и осужденных тоже,
где счастливы навеки все и все любимы.
Где гости мы и нам пора назад.
Боготворю тебя, Алиса!
И буду ждать всю жизнь, чтобы напиться яда снова.
Я в Зазеркалье гость — ты в Зазеркалье дома.

Андрей Логинов

Вы рождены, чтоб сказку сделать болу.

Слабые чары

Сказка для взрослых

Она пришла к волшебнику и спросила:

— Будет ли у меня милый, скажи, волшебник?
Если да, то где ждать мне его? Прошу, скажи!

Посмотрел на нее чародей вещей и молвил:

— Будет у тебя любимый. Сам он найдет тебя, и найдет на Солнечной Поляне, что рядом с Пропастью Черной раскинулась. Но я бы на твоём, красавица, месте... Стой! Куда же ты? Выслушай главное!

А в ответ донесся звонкий голос уже издалека:

— К милому я тороплюсь, на Поляну Солнечную!

Покачал головою чародей и пошел к Реке Розовой чудеса творить. Не успел он палочкой своей волшебной взмахнуть, как голос юношеский слышит:

— Скажи мне, волшебник, полюблю ли кого я?
Если да, то не томи душу, поделись скорей — где найти мне зазнобушку?

Вздохнул провидец и говорит:

— Скажу я тебе, где найти ее. Но обещай, что выслушаешь меня до конца.

— Говори, говори. Ну! — воскликнул юноша.

— Ждет она тебя на Солнечной Поляне, что рядом с Черной Пропастью раскинулась. А теперь... подожди! Ох, горе вам! И ты убегаешь.

— Не могу больше ждать. Истосковался я по ней, сил нет!

С этими словами убежал юноша, так и не дослушав старца.

Нахмурился волшебник: хочет добра, а выходит, что души губит. Злым колдуном себя почувствовал он, понял, что чудеса добрые сегодня творить не получится, и пошел к себе в терем.

Встретились в это время юноша с красавицей своей. Долго миловались они. Забыли про все и про всех. До рассвета все целовались да обнимались, все слова нежные да ласковые говорили молодые друг дружке. Счастливее их на всей Земле не сыскать было никого.

Так долго было бы, наверное, только волшебник проснулся утром, вспомнил о вчерашних делах и заторопился к влюбленным на Солнечную Поляну. В самой что ни на есть неге застал их чародей. Бросились юноша с девушкой благодарить старца, но он знай охает:

— Все вам невтерпеж! Сбежали вчера, не смекнули главное выслушать! Эх, птенцы-глупцы!

Решили ослушники исправиться и говорят волшебнику:

— Винимся за неразумие. Молви теперь, а мы уж внемлем!

А тот:

— Право, не знаю, как и начать! В том беда ваша, что нынче вы счастливы, а потом люто ненавидеть да проклинать будете и себя, и меня за то, что вас судьбою свел.

— Что ты, дедушка! Никогда не бывать этому! — оборвал волшебника юноша и к суженой своей обратился:

— Неужто мы будем ссориться, любовь моя?

Красавица воскликнула:

— Что ты, милый, я тебя всю жизнь обождать буду! О волшебник, ты же все можешь! Заколдуй нас, чтобы до смерти мы счастливо жили! Сделай так, добрый дедушка!

Еще больше нахмурился чародей:

— Зарок мне оные чудеса творить. Это только в ваших силах. А поскольку я провидец, то знаю, что не будет вам жизни вместе. Могу лишь вселить в вас на миг те чувства, которые владеть вами будут через пяток лет.

Сказал и взмахнул палочкой своею волшебной.

Тут же как подменили молодых-то наших! Смотреть друг на дружку не могут.

Она кричит:

— Я тебя не такого любила! Опротивел, аспид!

Он ей рыком:

— Эка сразу я тебя не раскусил! Змею пригрел подколодную!

Не успел юноша договорить брань свою, как рукою рот закрыть пытается — чары закончились.

Залились молодые горькими слезами — плачут, рыдают.

А волшебник тоже места себе не найдет:

— Говорил вам, не спешите, выслушайте старика! Все молодые такие, да не все живут в старости плохо.

Как услышали это красавица с молодцем, пуще прежнего заголосили.

Потом сказала девушка:

— Утро вечера мудренее, давай не думать сейчас об этом.

Забылись молодые, день и ночь без устали опьяняли себя бурными ласками, и опять счастливее их не было на всем белом свете.

А наутро, обнявшись, бросилась чета в Пропасть Черную, что зияет громадой своей за Солнечной Поляной.

...Да, видно и добрые волшебники злыми колдунами бывают.

И вот в чем петрушка — предсказания-то деда не сбылись!

Прости, любимая, за слабость.
Я так хочу с тобою быть!
Надежды призрачную радость
тоски слезами мне не смыть!

Хромым с костылем,
слепым с поводырем —
к тебе.
Поклонником,
покойником —
к тебе.
Убогим в проказе —
к тебе, к заразе.
Нищим с сумой —
все богатство с тобой.
Доберусь ли?

Молитва в бреду

Спаси меня,
 забери меня,
 уведи меня.

Умираю я,
 задыхаюсь я,
 гасну я.

Охрани себя,
 убереги себя,
 отведи от себя.

Затопчи меня,
 погаси меня,
 заворижи меня.

В камень,
 в шлак,
 в несусветицу.

Встретиться...
 Встретится!
 Лик твой светится.

Андрей Логинов

Просто оторопь берет:
немота проклятая, сладкая моя.
Крик беззвучный душу рвет —
маята измятая, рваные края.

Чудо тишины

Тебе вся моя немота стиха.
Оттого в нем мысль неясна и тиха,
что сердце стучится часто и громко.
Оттого, что по телу волнами ломка.
Тебе вся моя немота стиха.
В нем только лишь святость — ни строчки греха.
Лишь искренность чувства и силу его
несет беспокойно мое перо.
Тебе вся моя стиха немота.
Хоть стройность слога совсем в нем не та,
я знаю — услышишь ты в нем тишину.
В нее посвятил я тебя одну.

Страсть наша чиста, до святости чиста!
Жизнь наша быстра, до ужаса быстра.

Не бойся

Увидишь, смерть свою косу ломает
о счастья вечности гранит.
И наше чувство не растает,
поэт не будет в нас убит!

Андрей Логинов

Потеряем право прощать
Твердость правды в себе воплощать
Если с нашей стези мы отступим.
Соратница, удержи.

Восхищенье

Поводырь сердечный мой!
Пусть вокруг кружится рой
подхалимов и льстецов,
лизоблюдов, подлецов.
Я доверился тебе —
проведи меня к среде.
Целованием предаст
нас Иуда, пусть придаст
нашим чувствам откровенье.
Через крест и к воскресенью
мы с тобою пусть придем.
Ждет Отца священный дом.
Там ты должною хозяйкой
воцаришься в чистоте.
Я с тобою — царь небесный —
воссияю в высоте.
Поводырь мой дорогой,
сердце жаждет — я с тобой!

Андрей Логинов

Пьяным эхом разливается по жилам:
единственная... ...я ...я ...я.

С именем твоим
на устах
я монарх.
С любовью твоей
в сердце
я герцог.
С тобой все бы смог:
бог.
Но без тебя я не царь —
тварь.
Огрубевшего мяса кусок.
Жесток.
Обугленной страсти брусок.
Итог.
Без тебя.

Все в этом мире зыбко:
за слезою придет улыбка.

Флейта сердца

Не кроликом к удаву
в кровавую расправу,
а музыкой к устам —
звучать чтоб песней там,
я льну к тебе, родная.
Мелодию я знаю,
живет она в груди.
В себе ее найди.

«...Всегда
огонь благой любви зажжет другую,
блеснув хоть в виде робкого следа».

Данте

Награди меня за преданность,
за такую любовь награди.
Встречным чувством, честностью.
Приятием награди.
За готовность идти с тобой через все до конца.
Награди.
Огради себя от грязи и лести.
От лжи любой огради.
Наше счастье — небесное.
Себя — святую — блюди.

Андрей Логинов

Не казни меня за веру,
ложью страшной не казни!
Истину возьми за веру,
избавь вены от резни.

Звериная чуткость

Постучусь я в твои двери,
ты откроешь мне.
И глаза мои, как загнанные звери,
будут шарить на твоём душевном дне.
Осторожно — вдруг они наткнутся
на холодный — «не ждала» — отказ.
И тогда в знакомый окунутся
омут горя — из дежурных фраз.
Не найдя убийства раздраженья,
робкою надеждою горя,
взгляд мой, не готовый к пораженью,
позовет тебя, как путника заря.
И когда подскажет сердце, что ты рада,
и когда увижу, что ждала,
вот тогда бесценная награда
душу переполнит — ее ты дала.

Два статных сильных тела молодых,
два духа страстных, но слепых,
уединенно в ночи тишине
забвенно шепчутся.
Молитва...

Осознаю кричаще —
молитву шептать надо чаще!
Чтоб ты страстный шепот
услышала мой.
Чтобы вернулась, родная,
скорее домой.
Домой — к очагу, что построю.
Поверь — я царского стою.
Царского ли, царица?
Тебе лишь распорядиться!

Андрей Логинов

В туманном полусне,
как в снежной белизне,
приснилось мне, приснилось мне.
Приснилась.

Уикэнд со Снегурочкой

Приезжай в субботу днем —
песню нежности споем.
Прилетай с метелью снега —
нас согреет страсти нега.
Постучись в окно со стужей —
ею буду я разбужен
и с тобою унесен
в сладострастный сказки сон.
Будем только в нем вдвоем.
Приезжай в субботу днем!

* * *

Подари мне воскресенье,
вознесенье подари.
Это будет день рожденья
нашей пламенной любви.
Подари мне час забвенья,
луч надежды подари.
Это будет миг плененья —
в рабство сладкое приди!

Андрей Логинов

«Только одну ночь, но ночь без рассвета».
Петрарка

Сон наяву

Подари мне ночь любую —
сладкозвучную такую,
чтоб ее запомнил я
до прихода смерти дня!
Подари мне ночь любую,
нет, не сонную — другую,
подари мне сказку-ночь.
Чтоб она была точь-в-точь
повтореньем сна бывшего —
сладкозвучного такого,
что запомню я его
до дня смерти своего.

Линия судьбы

Судьбе подобные губы:
и ранимы, и чутки — не грубы.
Искусаны в кровь, исцелованы ль больше?
Периметром губ очерчена жизнь —
не дольше.

* * *

Шалаш у рая...
В шантаж играя,
адам пугать.
Ну не стать мне святым
в шалаше,
ну не встать!

Андрей Логинов

Майский аромат

Хочешь слушать — слушай сказку.
Точно добрую подсказку
ты ее воспринимай.
Итак — солнце, месяц май.
Весны красок торжество.
Точно чары божество
щедро тратит на природу.
Дарит чудную погоду,
чувства сердца берedit.
Кто его опередит?
Кто сумеет тоньше тронуть
нежность струн твоей души?
В их мелодию вплетаясь,
шепнуть тихо — согреси!
Кто взлететь поможет страстью
к счастья зыбкой высоте,
ощутить себя дающей
хлеб голодной сироте?
Кто боль истины поддержит,
силой правды подтвердит,
что победу он одержит?
Кто вернее убедит?

За то, что будет впереди,
меня ты, милая, прости!
Мне каяться — тебе же крест нести.

Чуть наклонившись, ты
шепнула тихо:
судьбу кляня,
терпеть меня
и мучаться со мной.
Себя пленя,
киваю головой:
ты мне ровня,
терпеть тебя
и мучаться собой.
Промолвил эхом
вмиг я.

Андрей Логинов

От чистого сердца

С тобой мое благословенье,
пусть правит тебе путь.
Твое пусть каждое мгновенье
стучится тебе в грудь.
Напоминанием пусть будет
высокой миссии твоей.
И если разум вдруг забудет,
что к миру надо быть добрей,
прислушайся к грудному стуку.
Благословеньем дышит он.
И утешенья сразу руку
протянешь, заглушить чтоб стон.
За этим в мир пришли
с тобой, родная, мы.
Какое счастье, что нашли друг друга.

Бликуя отражением
в лабиринтах страсти

Звать тебя,
ждать тебя.
Любить.
Мять себя,
рвать себя.
Бить.
Серость клеймя,
жарче огня
жить.

Себя любя,
тебя губя,
вжигаюсь
в Вечность я.
Тебя любя,
себя губя
сжигаюсь я,
сжигаюсь я,
сжимаюсь.

Андрей Логинов

Тихим вечером, грустной песней,
мелодией ветра прииду я к тебе,
как только ты останешься одна.
Ведь одиночество — это я.

Цена мгновенья

Он вошел в мою жизнь так стремительно, неожиданно, так неповторимо. С его упорством и натиском никто не мог сравниться. Впервые он увидел меня на улице и сразу подошел. Как-то взволнованно, искренне заговорил со мной, призвал услышать и понять его. Он воскликнул, что, увидев меня, внезапно, до боли ясно ощутил щемящую мимолетность жизни, ее необратимость и преступное неумение ценить ее — жизнь. Он ужаснулся от того, что мы можем, еще не найдя, потерять друг в друге целый мир. Такой огромный, сочный и яркий мир взаимных чувств. А мы должны, должны, убеждал он, обогатить себя чистотой общения, помочь понять ценность мгновения и сполна ощутить глубину счастья. Если же мы сейчас пройдем каждый своей дорогой, кто знает, может быть, всю оставшуюся жизнь будем отчаянно жалеть об этой несостоявшейся любви. Бесконечными серыми вечерами мы будем томиться от опостылевшего одиночества, будем пытаться убежать от него, бродя в тщетных поисках родственной души по улицам, скверам и паркам равнодушного города, каждый раз только подтверждая тем самым свою не востребованность забывшим про тебя миром. И если мы когда-нибудь случайно встретимся вновь в много-

миллионной толпе, то просто не узнаем друг друга. Или, быть может, уже не отзовется таким порывом сердце, не заставит нас не то что броситься в объятия — даже не предложит протянутую для приветствия руку.

Так он говорил, и его бездонные карие глаза прожигали меня насквозь надеждой и страстностью.

Я забыла про все и про всех. Я нестерпимо захотела узнать его, испугалась, что потеряю вместе с ним целый мир. Я почувствовала, что мне очень нужно обогатиться его чистотой.

Так неповторимо он вошел в мою жизнь.

Да, так он в нее вошел.

А вышел... вышел обычно — через дверь, оставив мне хорошенькую дочку с бездонными глазами.

Хриплым надрывом
голос стиха.
Страстным порывом
пламя греха.

Прокаженные страстью

Смирись, плоть,
не буйствуй, дух!
Молись в плоть
до гибели двух.
Ты и она —
чаша одна.
Разлить ее вам —
срам!
Хранить ее вам —
храм.
Испить ее вам —
там.
Ты и она —
чаша без дна.
Бездна.

Если ты со мной —
сердца стук иной.

Опасная соседка

Рядом, рядом
с сильным ядом
я живу.
Взглядом, взглядом,
ресниц нарядом
я дышу.

Андрей Логинов

Сознание вдребезги сердца напором.
Колотится.

Динамит чувства

Вмиг сознание взорвано.
Суета вся в хлам!
Нам с тобою лишь дано
воплотиться в храм.
Никогда не тронет нас
быта низкий вздор.
Сердце слышит неба глас,
и туда наш взор.

Не подымай меня с колен —
мне сладостен коленей плен!

Одобрение

Опущусь я на колени,
обниму твои.
В единеньи наши тени,
позади бои.
Позади разлук тревоги,
сгинула беда.
Я целую твои ноги,
слышу свыше: «Да!»

Андрей Логинов

О мысль гонимая,
О гонящая мысль!

Дрожь непознанной

Кто привяжет меня — Одиссея —
к крепкой мачте надежной стези?
Кто подскажет участливо — где я
и в какой я с любовью связи?
Пенелопу найти мне поможет
и укажет дорогу домой.
Вот тогда, наконец-то, быть может,
пришwartую я парусник свой.
В тихой гавани милого порта
брошу якорь на все времена.
И на сушу я с шаткого борта
так ступлю, что дрогнет она!

Моя сладость в твоём наслажденьи.
Твоя слабость в своём наважденьи.
Встреча.

Амнистированный каторжанин

Мир без тебя стал тюрьмой —
свободен я только с тобой.
Из последних уж сил
я хочу, чтоб был мил.
На издохе душа.
Хороша, хороша...
Воспален страстью мозг —
память ревности розг.
Дрожью тело знобит.
Не убит, не убит.
Я тянусь, чуть живой.
За тобой! ...За тюрьмой.
Мне не выжить в свободе с другой.

Андрей Логинов

Ищу в своих стихах созвучия я с жизнью
и нахожу его, когда любовью моя рифма дышит.

Любовь так мощно меня давит,
такие крылья тяжело ставит,
что сил почти уж нет держать.
Но надо стоном рот зажать
и судорогой кивнуть — я благодарен
за то, что Небом этот груз подарен.
За то, что я не в землю вдавлен — ввысь.
На всю оставшуюся жизнь
впечатан так я в трепет чувством.
Пронзительным и в счастье грустном.
Великим чувством, коим есть Любовь.

Что такое богу верить в Бога?
Когда солнце с небом говорит.
Людам лишь неведома дорога,
на которой в Вечность дверь стоит.

Жизни сон

Заблудших душ круговорот
все тщетно вьется у ворот,
что в Вечность открывают путь.
В них не войти — лишь заглянуть
желает обыватель робко.
Его пугает ада топка,
поэтому душа его зудит.
С тобой же мы берем кредит
небесных благ в нужде иной.
Пришли из Вечности с тобой,
туда же надо нам вернуться.
Всего лишь навсегда проснуться
для этого необходимо.
И пусть года проходят мимо.
Пусть других тогда кружит
Христом проклятый Вечный Жид,
который все готов отдать,
чтоб снова смертным тленом стать.
Проснувшись, мы осознаем,
что Вечность — наш с тобою дом.
Вернемся скоро из гостей —
родного дома что милей?
Проснись.

Андрей Логинов

Ты ведь знаешь, друг мой, ты ведь знаешь,
тяжело как женщиной болеть.
Понимаешь. Ты ведь понимаешь,
хочется как боль свою воспеть.

Возвращает сердце, возвращает
к сладкой боли, тающей в груди.
В мираж встречи ожиданье превращает.
И призыв в висках стучит: **приди!**
Обещает память, обещает —
радость встречи все же впереди.
Прекращает воля, прекращает
слабость боли заклинаньем: **жди!**

Таю, святая, таю.
В небытие ухожу.
Я землю вновь облетаю,
тебя вновь не нахожу.

Неизбывная грусть провожает повсюду:
неужели с тобой после смерти не буду?
Неужели один буду Вечностью звездной,
неужели с тобой стать единым мне поздно?
Неизбывная грусть провожает повсюду:
знаю — в небытии лишь тобою я буду.

Андрей Логинов

Любовь до гроба!..
А после что — ненависть?!

Беспечность небожителя

Потому я беспечен, что вечен.
И потому хохочу я во тьму.
Мне безразлично, что мир быстротечен.
Не запугать мою душу ему.
Но если я в Вечности буду скитаться,
Если найти там тебя не смогу,
То в Вечности мне ни за что не остаться.
То пожелаю лишь это врагу.

Любовь — это так просто,
для нее надо всего лишь убить себя.

Убийственный дар небес

«Любовь — это величайшее событие,
в нем невозможно выжить».

Бхагван Шри Раджниш

Кто голосит о несчастной любви?
Несчастной любви не бывает.
Любовь сама уже счастье и дар.
Пусть даже она убивает.

Андрей Логинов

Иногда я, к счастью, видел твоего лица рассвет.

Повсюду молвою площадная брань...
Звездой путеводной на небе мне стань!
И светом душевным, теплом наготы.
Повсюду мне правдой являлась чтоб ты.

Андрей Логинов

Пыл огнем пылает,
страстностью бурлит.
Лавою сжигает,
слепит, как зенит.

Вулкан интимной Голгофы

В изверженьи завершенье,
дрожью распятья выгнулся.
Из лобзанья в бессознанье
сладкой лавой вылился.
Призраки блаженства — кресты.
Рядом виселица — ты.
Веселиться?

* * *

Руки к сердцу —
не разжечь.

Муки, муки течь.
Печь любви огнем раздуй —
губы в губы поцелуй.

Руки к сердцу —
не обжечь.

Руки? Сердце? Печь!

Андрей Лошинов

* * *

Что взаимность? — реверанс,
Улыбка пошлости в ответ.
Неразделенность! Это транс,
Приятие — богов завет.

Гонит Ветер мощь всю Волны
на острые рифы, на грозные скалы —
взрывом восторга в брызги разбиться.
Можно иначе Волне умирать:
тихо и медленно таять в мели...

Ряби ропот

Вольны ли волны в пути своем?
Вольны лишь только с ветром вдвоем!
Волна и Ветер — свободы пара.
Стих Ветер, и Волны не стало.
Так что ж тогда Волне роптать,
что топчет Ветер ее стать?

Андрей Логинов

И соль морская плоти соль напомнит.
Такою болью сердце вдруг наполнит,
что кровью вспенится волна,
какую пролил ты сполна.
Меню сердцеда.

Вопрос по существу

Жалом змея жаром сея,
я несу любви огонь.
Душу грея, слышу: где я?
Для кого же сердца бронь?

Земная, как ввысь ты зовешь!
Небесный, как вниз я тяну...

Мне бы...

Мне бы только потрогать твой волос.
Мне бы только услышать твой голос.
Тихий голос: «Мой милый, приходи!»
Разрывается сердце в груди.

Андрей Логинов

* * *

Тебя мне оставить —
нож холодный к груди приставить.
Без тебя мне уснуть —
льдом по сердцу полоснуть.
С тобой же жить —
в ожогах быть.
В одних уснуть объятьях —
на двух гореть распятыях.

* * *

Утешение брошенной

По горячим следам,
по горячим слезам
я найду тебя там,
где остался я сам.

Висельником в петле хрипеть!
Вот что значит о счастье петь.

Кошмаром, как будто жаром.
Ударом, как будто даром.
Кинжалом, как будто жалом.
Холодом, будто голодом.
Равнодушьем, будто удушьем.
Боль моя, дрожь моя. Счастье.

Андрей Логинов

Поцелуй

То раскаленное жаром,
то от холода ледяное,
лезвие, острым ты жалом
скользишь из ножен покоя.
Чтобы, жертву свою нащупав,
блеском стали ее ослепить.
Чтобы, ложью ее окутав,
внезапным ударом навек усыпить.
А потом, утеревшись от крови,
согревшись от холода или остывши от жара,
заскользишь ты снова до крова.
К ножнам покоя — вечная пара.

* * *

Ты мне свою боль оставь —
дуло страсти к виску приставь.
На свиданье ко мне приди —
курок чувства несмело взведи.
И меня ты к груди прижми —
на крючок спусковой нажми.
Поцелуй меня — смертника — в лоб:
пуля ревности в сердце — шлеп!
Я сползу по тебе на кровать —
труп лишь саваном накрывать.
Ты погладишь меня, как омоешь,
своего равнодушья не скроешь.
Я застыну в кипеньи своем,
будто рядом лежим вдвоем.
Ложе наше лишь только гроб,
хоронить безысходность чтоб.
А надгробье — мои стихи,
очень грустны они и тихи.
Ты мне боль лишь мою оставь
и к ней святость свою прибавь.

Андрей Логинов

* * *

Мир без тебя так чудовищно пуст.
Ты слышишь, Любимая?
Неисчислимая валится грусть.
Где ты, Родимая?
Неупредимая пожирает.
Пусть.

* * *

Раньше Вы как родное Ты,
сейчас же Вы как чужая толпа —
они.

Раньше наши с тобою рты
жадно чувства пили —
уста одни.

Теперь же трубку в клочья
рвем телефонную.

Тысячезвонную, тысячетонную.
Теперь мыслями судорожно
перепыхиваем

тысячи, тысячи верст расстояния.
Вновь для ожога
объятья распахиваем,
отекли ожиданьем пустого стояния.

Андрей Логинов

Сотку тебе я одеяло из стихов.
Теплей любых оно мехов
и жарче пламени любого!

Пыл

Мне холодно, укрой меня стихом.
Согрей мне душу рифмою своею,
окутай сердце ласковой строкой
и кровь бежать заставь быстрее словом.
Ты гений! Бог!
Я искренна с тобой...
...Не надо! Хватит.
Остановись! Пылаю —
я боюсь сгореть.

Нет, не просто горюю —
просто горю я.
Люблю.

День длиною в жизнь

Блики облика везде.
Трудно удержать в узде
чувств могучего мустанга,
когда жизнь вся в ритме танго.
В ритме страсти и огня,
жизни вспышки. Всей, как дня.

Андрей Логинов

Шепчет душа злой
пророчицей —
кончится, скоро все это
кончится.

Из жил петлю разлука вяжет.
Мне приговор палач не скажет,
в неверьи чувству обвинит.
Клеймо мне вдавит, как гранит,
бубновый туз на спину хлопнет
(вот-вот от боли сердце лопнет).
И в исполненьи приговор.
Кричащей жертвы скотный двор.

К горлу ком:
страстью-крылом
перенеси меня, птица,
к любимой — царице.

Взгляд на волю

Разлуку режу страсти крылом.
Тоску застилаю желанья мостом.
Потом. Остальное потом.
Сейчас же через города и веси
устремился весь я
в сердце свое — к тебе.
Сквозь решетку — к моей судьбе.

Андрей Логинов

Твои глаза слезой полны,
вкус на щеке морской волны.

Чувства на вырост

Если чем тебя обидел,
то прости.
Я тебя другою видел —
ты расти!

Гармония

(грезы тракториста в духе маркиза де Сада)

Назовите меня мазохистом,
я садистом уж быть устал.
Я на сказочном поле чистом
преисподней корягой восстал.
Запустил свои корни цепкие
в поля нежный, упругий грунт.
Разбросал сверху ветки крепкие,
чтоб душисть чуть проявленный бунт.
Мощный ствол свой воткнул я в поле.
Хоть и нет сил у поля боле,
я все силюсь услышать, вцепившись зубами,
сквозь удушья стон хрипоты,
скажет поле, чуть дрогнув губами:
— Милый, желанный, лишь ты!

Андрей Логинов

* * *

Как от тяжелого бега
по телу томления нега.
Как от терпкого вина
сохнет во рту слюна.
Как будто судьбы приговор
слышится в ветре — вор!
В шуме дождя — не я.
В шорохе листвы — не вы...
Лишь в полете мечты
слышу я — только ты.

Тому, кто тронет эти струны,
я чуткой нежностью отвечу
и прошуршу крылом: летим со мной!
Но их не так легко затронуть
и фальшь звучания убрать...

Две стороны одной медали

Одно время, будучи пылким юношей, я был влюблен в молоденькую дантистку, которая практиковала у нас в средней школе. Используя любой повод, я прибегал к врачу на прием и, замирая, ждал, когда ее руки коснутся моей головы, когда сама она наклонится ко мне и заботливо устремит свой взор вглубь меня. Я расковыривал свежие зубы, сбивал пломбы у старых, ранил десны. Я находил у себя мнимые воспаления полости рта, и солоноватый привкус выступившей крови оборачивался вдруг предвкушением пьянящей близости. ...Я ходил к ней каждый день. Не важно, понимала ли все это она, важно другое — неизменно приветливо она усаживала меня в зубоврачебное кресло, наклонялась и... начинала сверлить вымученную мной дырку в зубе. Ее упругий бюст через тонкий шелковый халат касался моего дрожавшего плеча, вся она подавалась вперед и так, в полуобъятии, занималась моим ртом. Я окунался в испытание единством муки и наслаждения. Не знаю, от чего у меня тогда кружилась голова — от ощущения ее близости или от дымящейся болью визжащей бормашины. Я шалел от

ввинчивающегося в мозг сверла и боялся, что эта боль вот-вот пройдет вместе с горячим ощущением ее груди, близости самой...

Как я тогда мечтал разорвать эти два ощущения!

Только теперь, повзрослев и окрепнув в бурях настоящих страстей, я понял тщетность моих мечтаний. Сейчас я знаю наверняка, что сладость любви невысказана без ядовитых мук сомнений и отчаянных приступов ревности. С исчезновением одного гаснет и накал жара другого.

Анестезия же страсти возможна лишь путем погружения в кратковременно обволакивающий самообман зыбкой дымки миража гармонии.

Перелетной птицей
рвусь я вдаль душой.
Манит меня страстно
в небе птичий строй.

Разлука
тетивою звенящей тугого лука
направляет душу стрелю:
соединиться навек с тобою,
остротой поцелуя пробить твои латы.
Будем друг другом с тобою богаты.
Наконечник отравлен —
шрам на сердце оставлен.
Боль от прошлых сражений,
безверия, трезвости мнений,
лечу.
Лечу как стрела,
как целитель лечу.
Тебе легче?

Я еретик, и я привязан болью
к позорному столбу своей любви.

Твое желанье для меня загон.
Ва-банк объявлен — проигран кон!
Жить в загоне
вором в законе —
наслаждение?
Увы — лишь бурных страстей наваждение.

Андрей Логинов

Предчувствовал, предощущал.
И мучился тогда уже, уже тогда страдал.
Когда мы жили в поисках друг друга.

Вкус разлуки

Такая боль, такая сладость!
И сколько ждать еще осталось,
чтоб выпить счастье встречи нам?
Не здесь увидеться, но там,
где стелет путь нам провиденье...
Где вечность длится как мгновенье.
Какая боль, какая сладость.

Одумайся, еще не поздно!
Пойми — я не жилец...

Со слабостью сраженье —
тоски лишь отраженье.
То приступ, то припадок
разлука мне несет.
И сил моих упадок
мне ненавистен гнет.

Андрей Лошинов

Мечусь по жизни зверем в клетке,
когда не вижу я с тобой.
Тоски по сердцу выстрел меткий —
безумных мыслей вьется рой.

Вскрыть себе вены любовью,
насладиться, как радостью, болью.
Истекать истощеньем разлуки,
не придумаешь сладостней муки.
Руки.
Миражом ко мне тянутся руки.
Твои руки — чтоб раны закрыть.
Твои губы — чтоб боль их забыть.
Но мираж это... Хочется выть.
Вены волком отчаянья вскрыть.

Жизнь прожить и поле перейти.

Точка возврата

Я клянусь — не прервусь
в возвышеньи своем.
Я клянусь — вознесусь
я в сознании твоём.
Я клянусь — воплощусь,
только если вдвоем.
Я вернусь — я клянусь!
ВЕРНУСЬ.
Только если с тобою вдвоем
в мир мы снова
спасеньем придем.

Андрей Логинов

Помню, в хмельном бреду
звал я все милую, ту...

И ждал, и звал тебя,
и проклинал себя
за эту слабость.
Обманывал,
что вправе
эту радость...
Кому преподнести?

Сладкая лесь —
страшная месь.

Венчание

Душевный паралич —
меня с ним повенчала.
Но сердца страстный клич
зовет начать сначала.
Зовет поверить снова
в твое родное слово.
Поверить и понять:
тебя мне потерять —
в параличе забиться,
безверья плесенью покрыться,
отчаяньем застыть.
В параличе ли жить?

Андрей Лошинов

Дружба — это память.
Любовь — забытьё.

Друзья

В ответ на стон мой
кто-то рассмеется.
Кто-то скажет:
да брось ты!
А кто-то тихо кивнет:
лети.

В жизни каждого обязательно должен быть тот,
кроме которого у него никого нет.

В сердце на покой
Корчусь от боли, —
так в пах только бьют.
При мысли, что боле
не найду здесь приют.
При мысли, что дальше
ступать одному
по льду сплошной фальши,
по скользкому дну.

Андрей Лошинов

Что ж ты, река...
Застыл гордой тенью
мост разводной.
Волей — не ленью
восстал над водой.
Могучей стрелою
в небо он взмыл.
Лишь только тобою,
река, он и жил.

Снится мосту стихия

Мост разводной вверх взметнулся,
два берега разорвав.
Могуче он колыхнулся —
работа не для забав.
Бурный поток, что стремится,
несется средь берегов.
Как святости сок искрится,
как блеск от желанных оков.
На порогах вода бурно пенится,
омывает опоры моста.
Никуда от них он не денется,
не уйдет с дорогого поста.
Берега очарованно круты,
восхитительно плавны они.
То прямые они, то гнуты —
желанны всегда одни.
Во сне мост своим мечтает
свести их вконец с ума.
И нежно в ответ река тает,
желает того же сама.

Андрей Логинов

Возносящая к небесам,
сам я лечу к тебе, сам.

Млечный Путь

Упругую болью, страстью кормясь,
больше и выше все становясь,
верою мост, ожиданием живет:
в него упираясь, царица взойдет.
К самим небесам, к подножью Пути.
К нему по такому мосту лишь взойти.

Больше всего в мире я люблю звезды. Именно за то, что, являясь частью этого мира, звезды ему не принадлежат.

Несостоявшийся оргазм

На крыле самолета звезда
прошептала мне тихо: «Да!»
Постель кучевых под нами
предложила — ложитесь сами!
Со звездой обнимаясь страстно,
в молоко облаков. Напрасно!
Звезды лишь химерные блики
растворили тумана лики.
И один я в накале чувства —
безысходно, не просто грустно!

Андрей Логинов

Стюардесса

«Пристегните ремни — ты сказала, —
взлетаем!»

И взревели турбины сердец.

И падение дает ощущение полета.

Вся наша жизнь — полет.
Моя же жизнь в полете том — салон,
где стюардесса ты.
Предупредительна, нежна и благодушна. Внешне.
А внутренне ты к пассажирам равнодушна.
Сегодня рейс со мною, завтра в путь с другим.
Не важно, будет он каким.
Работа стюардессы — летать в салоне самолета
и пассажиров убеждать,
что каждый ею будет так обласкан,
как обласкала ты меня.
Все знаю это,
но без тебя кричаще пуст салон моей любви!
Теряю высоту, — безвольно призываю стюардессу...

Андрей Логинов

Не требуй большего, чем все!

Подневольность

Или плохо теперь вижу,
или просто стал я ниже —
для меня сейчас ты ближе.
Слышишь, Радость, это ты же?

Твоей души океана прибой.
Ледяной, ледяной, ледяной...

Просветление

Ты была так страстно искома,
как пустая страница из книжного тома.
Как открытая дверь из грешного дома,
ты была так страстно искома.
Талой водою из снежного кома,
эхом от гулкого рокота грома,
ты была так страстно искома.
Вдруг наступила неверия кома —
снизошла, наконец, благодати истома.

Андрей Логинов

Нерадивость ворожеи

Ленива твоя ворожба —
как будто с судьбою тяжба.
Игривы твои глаза —
приговор обвинения: за!
За бессонные ночи,
за распяты́е на кресте страстей;
хоть уж больше и нету мочи
оживать от фальши смертей.

Увы, подруга!
Такого друга
тебе вовеки не сыскать.
Душа какая! Какая стать!

То ли, милая, устала,
то ли чувства было мало.
Как бы ни было — не стало
больше трепетных страстей.
Точно выгнала из дома
надоевших уж
гостей.

То ли просто я устал,
то ли чувством одним стал,
как бы ни было — восстал:
пред крестом творцом предстал.

Андрей Логинов

Сила бременем ложится —
как с тобою мне ужиться?
Слабость легкостью манит —
ведь тобою я убиг.

Зачарованный лобным местом

Страшной платою плачу —
обращаюсь к палачу
с просьбою.

Пусть на плахе четвертует
боль мою.

Пусть в лобзаниях растает стон.

Путь в стенаниях узнает он.

Камерой пыток

страсти избыток

манит ложе к себе палача.

Так руби же призывом сплеча!

Обжигаюсь о тень сомнений.

Зубы дареного коня

Погружаюсь во тьму сомнений,
трезвых дум, осуждения мнений.
Погружаюсь во тьму сомнений,
недопонятости, ложности рвений.
Окунаюсь во мрак безверия,
безысходности суеты.
Одиночества преддверье
подарила сегодня ты.

Андрей Логинов

Не поминай меня лихом — помни лихим!

Доверие

Какою фальшью веет с губ,
какою ложью блестят очи!
Ты говоришь, с тобой я груб,
с другими провожу я ночи?
Забудь укоры, дорогая,
ты вторишь слухам, помогая
тем самым ложным суеверьям.
Не рань мне сердце недоверьем.
Ты знаешь — пуст монаший сруб
и ночь в молитвах одинока очень.
Какою ложью веет с губ,
какою фальшью блестят очи!

Колпак шута —
картонная корона.
Удар кнута:
фальшивая мадонна.

Шут поневоле

Я был смешон, когда смеялся.
Когда с тобою расставался
и говорил, что на денек.
Я был и раньше одинок,
но не был я тогда смешон
незнаньем, путь что предрешен.

Андрей Логинов

Электрический стул раздраженья.
Наважденья мои, убежденья.

Ад терзаний и сомнений
или небо наслаждений.
Убеждений, наваждений —
целый ряд преобразений.
Приближений, отторжений —
бурной страсти отношений.

Себя всегда прощал,
ее же не могу!

С челобитием к избавительнице

Кровавой слезою колотится сердце.

От боли моей никуда мне не деться.

Надрывом сплошным выражается явь.

Шевелятся губы: от гнета избавь.

От гнета желаний и суеты.

От убежденья, что мир — это ты!

Андрей Логинов

Казнить надеждой
во тьме безбрежной.

Нет, не дано!

Ну а вдруг есть возврат?
Коль любовь лишь разврат.
Коль ее самой нет,
лишь остался обет
верность свято хранить.
Мы смогли же грешить.
Что нам святость? Она
лишь для неба дана.
Мы земные с тобой,
и закончили бой
мы досрочной победой
за греховные беды.
Греши — не греши,
а моей ты души
уж вовек не смутишь.
Зря колодец мутишь,
что нам страсть утолял.
Я его углублял,
ты же только его засоряла.
Хоть в обратном меня уверяла.
Нет, тебе не дано —
правда, мне все равно —
и любовь ощутить,
и меня позабыть.

Лет через пять, ну, может, через десять
придешь опять мои таланты взвесить...

Исцеление цветами

Я дарю тебе цветы.
Не букет, не венок — все поле!
Я дарю тебе их, чтобы ты
никогда не узнала бы боли.
Боли чувств растревоженной матери,
у которой украли дитя.
Так на праздничной красочной скатерти
разливается кровь от питья.
Я дарю аромат тебе луга,
чтоб не знала предателя-друга.
До конца чтобы счастье с тобой
доиграло б нелегкую роль.
Я дарю — забирай все на свете!
Не узнай только горести эти,
чем поила меня ты сполна.
Я испил их до самого дна...

Андрей Логинов

Надежда смывает грязь от лжи?

Вдруг

Стрела лжи в груди ржавеет,
рана болью все сочит.
Но надежда робко тлеет,
что вдруг совесть не смолчит.
Вдруг покается без фальши,
вдруг захочет вместе быть.
Вдруг пойдем мы с нею дальше,
вдруг поможет ложь забыть.
Совесть-друг,
ну а вдруг?

Финал бравады

Меня оставишь? Ну, напугала!
Таких, как ты, повсюду немало.
Тебя и помнить-то не дольше дня я буду.
Одно вот только: как мне этот день прожить?

Андрей Логинов

Самая честная ревность у зверя.
Надежная самая верность — не веря.

Жрица, тигрица, лжица...
Как мне с тобою ужиться?
Жрице служить.
Тигрицу вскормить.
А лжицу? Ее умертвить.
В счастье с покойницей
Вечность прожить.

Я бреду, как в аду
и шепчу, как в бреду:
«Я приду, Я приду, я иду».

В ад за беглянкой

Всюду видится образ твой.
Наяву, и во сне, и в грезах.
Всюду слышится голос мой.
Как в бреду, как в огне и слезах.
Я взываю к тебе, прости!
Не кори за невольное рабство.
Тяжело самому нести
мне ключи от подземного царства.
Всюду с факелом сердца искать
твою душу, пропащую в скверне.
Для того, чтобы светом ей стать —
ведь темно в преисподней, наверно.

Андрей Логинов

Вот чья-то жизнь об веревку споткнулась...

Ты заставила меня

Проиграл я за счастье битву —
бритву, шепчут вены мои, дайте бритву!
Дуло уперлось в висок —
не так, к сожаленью, высок!
И не талия просит, а шея ремня —
ты оставила меня...

«Всякий раз, меняя жену, нужно сжигать предыдущую...
Убивая женщину, уничтожаешь прошлое, которое она
собой знаменует».

Пабло Пикассо

И начинать собирать костер для этого нужно с
первого дня знакомства с новой кандидатурой на
очередное ознаменование!

Андрей Логинов

Утверждение, что сила женщины в ее слабости, верно в понимании логичного продолжения: слабость мужчины в его силе.

Отсюда полная беспомощность апогея могущества — бога.

* * *

Силуэтов призраки — половые признаки.

У мужчины и женщины появляется много общего, когда они поворачиваются друг к другу спиной.

Болезнью ты вылечила меня.
Мучиться в счастье своем неразделимом
участь наша.

В погоне за чумой

Кандалами висеть я не буду.
Я добуду желанье твое, добуду.
Не насильником в тягость,
а светильником в радость
я тебе быть хочу.
За надеждой к врачу
так стремится чумной.
Я тобой безнадежно больной.
Не обузой в пути —
помогу я найти
тебе истины свет.
Только дай мне ответ,
что, желанный, я рядом.
Только парой — не стадом —
с тобою идем
как один мы, вдвоем.

Андрей Логинов

Решиться как лишиться.

Покалеченный стужей обмана

Солги мне слезою,
стоном неги солги.
Увлечен я тобою
в страстный танец пурги.
Укрой льдом надежды
снега мягкого постель,
нет желаннее одежды —
лишь в нее одет теперь.
Сомкни мои веки
заботливой мглой.
Несчастье калеки
в судьбе его злой.

Сколько раз ни отмеряй,
если решил отрезать, то придется!

В такси

Не жди звонка — его не будет.
Тебя он больше не разбудит.
Не разольет в крови огонь.
И струны сердца — их не тронь —
не запоют мечтою сладкой,
а лишь пролягут лишней складкой
в твоей измученной душе.
И отзовутся мелкой сеткой
у края глаз.

О сеть морщин!
Как много может рассказать
твой каждый завиток.
Сухие русла, реки слез.
Уже низвергнутых и тех,
что оросят лицо твое, Мадонна,
завтра.

Печальные, щемящие глаза.
Еще один звонок —
еще одна слеза.

Андрей Логинов

«О вопль женщин всех времен:
мой милый, что тебе я сделала?»

М. Цветаева

Упрек птицелову

Ты не злишь на меня за признание,
не виню я холодность твою.
Наши дни — то пора ожидания,
мне расплата за глупость свою.
Для меня ожидание страшное,
ожиданье начала конца.
Для тебя ожидание страстное,
и играет в тебе кровь ловца.
Ты поймать хочешь птицу новую,
ту, что в мыслях уж пела тебе.
Для нее эту клеть готовую
предоставить пора уж мне.
И меня, воспитав невольницейй,
отучил ты крылами махать.
Отпускаешь теперь — мне покойницей
на поляне ничейной лежать.

Андрей Логинов

Понаслышке о верности знать...

Выдохшийся джигит

Я замерз от ожидания,
я устал от суеты.
Я не чувствую страдания,
что несешь все время ты.
Наслаждаюсь я покоем
трупа мерзлого в степи.
Ты прости, что так настроен,
за спокойствие прости.
Было время — жег пожаром
я твою святую суть.
А теперь колюсь кинжалом —
не уснуть бы, не уснуть!

Кольцо обручальное,
година печальная.
Счастье молодых
выстрелом под дых!
Под венец для отпевания.

Дьявольская пара

Ты немного постарше Евы,
Я Адольфа моложе чуть-чуть.
Как узнать нам, когда бы и где бы
Мы так же смогли бы закончить свой путь?

Андрей Логинов

Страдания — чувства старания.
Ожидание — смерти дыхание.
Звание — судьбой наказание.

О святость, святость убеждений!
О сладость, сладость наслаждений!
О слабость, слабость запрещений!
Бесмысленность сомнений
и неизбежность единений,
и предрешенность суеты.

Всюду за мной шепот твой в темноте:
«Милый, до тебя все были не те...»

Кружева майи

Все в этом мире соткано из фальши.
И то, что ближе, и что дальше.
Увы, родная, и ты тоже.
Быть может, тем ты и дороже,
что тоже слеплена из лжи.
Как белый хлеб из черной ржи.

Андрей Логинов

Кто сказал, что время — лучший лекарь?
Хуже всех врачует раны он!

Несгибаемый

Не ты потеряна —
я потерявший!
Живу размеренно —
счастье отдавший.
Меряю шрамами
пройденный путь.
Падшими дамами
меня не согнуть!

Знакомство

Страсти дрожь — кто ж ты, кто ж?
Раны брошь — что ж ты, что ж?
В сердце нож — ложь я, ложь!

* * *

С претензией к волчице
— Устаешь любить, забываешь,
ты такую холодной бываешь!
— Устаю любить, завываю,
я такую голодной бываю...

Андрей Логинов

Люблю... Тебе ль знакомо
это чувство?
Вот болен я
и весь в жару...

В цене сойдемся

За желанье слышать, как поют сирены,
чтобы голос впредь узнавать измены,
я плачу неудержимым рвением.
За коварным пенем
в самую бездну пучины,
без всякой причины.
Я плачу.
Рассчитаемся?

Луша с Яшей

Я Демон, ты Тамара,
и наши чувства — кара.
Сильнее ангельских потуг
мои сухие злые пальцы,
которые сжимают твоё сердце.
Ты Гретхен, Фауст я.
Пер Гюнт я вечных странствий,
ты Сольвейг дней моих.
И нам никак не вырвать их,
как можно вырвать лист
из календарной кипы.
Я Волопас, Ткачиха ты,
и тянемся по Млечному Пути
к друг другу мы всю жизнь.
Встречаемся раз в год,
и снова поиск вечный.
Твой взгляд молящий
и мой взор беспечный.

Андрей Логинов

Облегчение

Ну вот ты снова и один,
фальшивый мира господин.
Идея эта не свежа —
нужна для счастья госпожа!

* * *

Суицид

В любовное томление
свинцовое вкрапление.

Тайна

Спутать, с любовью спутать
желанье теплом окутать
озябшую душу в ночи...
Молчи!

* * *

Шедевр

Боль измены кровью из вены
красит жизни полотно.
Откровение...

Как много ты даешь!
О, сколько забираешь...

Я больше чувствую, хоть много знаю.
Но вот куда с тобой ступаю,
не чувствую, не знаю —
иначе не могу!

Андрей Логинов

В твоём горячем сердце лишь на мгновение я.
В моем холодном сердце ты будешь жить всю жизнь!

В полукоме нахожусь
страшной мысли — не гожусь!
Не гожусь тебе я,
мыслю, холодея.
В полной коме нахожусь —
лишь тебе я и гожусь!

Не клеймить, но каяться.

Дезинфекция путаны

Души обмылок,
лишь место для прививок.
Инъекция — иммунитет измен,
надеждам впрыснутый взамен.
Тлен.

Андрей Логинов

Так любовь не берегут —
надоевший мусор жгут.
Так.

Попутчица на Олимп

Запах пота, прибитый духами,
сигарет липко-сизый дым.
Обнимает худыми руками,
просит томно, чтоб не был я злым.
Мажет сочно помадой мне губы,
в поцелуе слюною давясь.
И огонь, и вода, и трубы...
Не пройти их, топча лишь грязь!

Мы разного в жизни и ищем, и ждем.
Но жизнью, к несчастью, одной мы живем.

Преступница

Недопустимую черту
ты столько раз переступала!
В словах, поступках, в помыслах своих...

Андрей Логинов

Дни проводить в мучениях развлечений.
Ложиться спать с одним желаньем — умереть.

Я помню

Я помню, что тебя забыл.
Не то чтоб просто разлюбил
и чувство в корне зарубил.
Нет. Просто помню, что забыл.
Забыл, как вырвал, как убил.
Забыл, что помнил. Помню, что забыл.
От боли помню, как завыл,
когда тебя так вдруг забыл.
Я эту боль пинком забил.
Но помню, помню, как забыл.
Не вспомнить только: кто я был?

Все, что дешево и низко,
очень дорого и близко.

Адюльтер

Страсть порочная —
связь побочная.
Мысль-то точная,
да связь больно прочная.

Андрей Логинов

Чуть помедленнее, пони!

Вздыбленный жеребец — наезднице

Не взнуздать никак меня!
Не поставить пошло в стойло
бытового денника.
Не купить меня за пойло,
за охапку веника.
Под плетью ходить не буду,
ни под чьим седлом скакать.
Я свободу не забуду,
не забуду страсти стать!

Успешная зависть — это еще не завидный успех.
Когда испытываешь зависть — это что, вот когда
зависть начинает испытывать тебя!
...А наслаждение?

...Красть чужую страсть.
Неистово, с самозабвением красть.
Не это ль истинная страсть?

Похитительница

Если красть чужую страсть,
как напасть на страсть напасть,
можно ль ею насладиться?
Хоть чужою, все ж упиться?
Страстью кражи лишь своей.
Завистью к чужой. Лишь ей.
Страсти рознь ли страсть?

Андрей Логинов

Когда рождается поэт, зло умирает...
А если убить родившееся зло, это вернет к жизни
погибшую поэзию?

Руку с горстью земли протяни,
попрощаемся.
С расставанием ты не тяни —
возвращаемся.

Щепотка-другая в яму земли.
Как рано крылья покой обрели!
Счастье и радость, и святость в раю.
Как высоко над тобой я стою!
Щепотку-другую горько жевать.
Вечности благодать, еще что желать?

Небо полынной травой
горизонт заплело над тобой.
Осенней промозглой порой
укрыло корявой корой.

Лопатной дробью комья земли...
Подними.
Крышку гроба свою подними...
«Встань и иди!»
Живи.
...Но дробью лопатной комья земли
прощальный венок над тобой заплели.
Расставание.

2.11.1998

Андрей Логинов

Служба хорошего настроения
Звоните вечером — мы будем,
звоните утром — мы придем.
Мы вашей жизни не загубим.
Сдаем мы души всем внаем.

Навсегда узором
мертвене роса
помыкнута есором
голосуютом - за!

* * *

На челе Афродиты шрамами крест.
Знак христианства — знамения перст.
Время язычества кануло в Лету.
Дети Христа нынче судьбы вершат.
И теперь, как дурную примету,
варварских идолов всюду крошат.
Разбить совершенство мраморных форм!
Не надо античных нам прелести норм.

Мания величия
как символ безразличия.
Изваяние.

От творца до дельца
дотянуться рукой

Чем грандиозней творение, тем дальше надо отходить от него создающему (будь то полотно художника, скульптурная композиция ваятеля или, в идеале, мироздание Творца). Для того чтобы оценить созданное, принять его, отвергнуть, а скорее стремительно метнуться к своему детищу вновь для очередных штрихов бесконечного совершенствования...

Андрей Логинов

* * *

Я Чаша Грааля,
во мне кровь Христа.
Как грани хрусталя
бликуют места,
куда приложился
сатраповский бич.
Гвоздями в суставы —
«Распни!» — вбился клич.
Копья прободенье —
взлет, не паденье.

* * *

И ты бог?
Копьем в бок!
Объятя двух рук
повисли на гвоздях —
испустил дух.

Принимайте, небеса,
к вам возносится.
Ни веса, ни беса —
на посто́й бог
к вам просится.

Не веселье новоселье,
расхлебенились.
Заварили злое зелье,
подбоченились.
Дома.

Андрей Логинов

Печаль одиночества —
всей моей жизни печать.

Из Содома и Гоморры в никуда
Ни впереди никого нет, ни рядом —
все позади.
Хоть напоследок окинуть взглядом...
Нет, помни заповедь, назад не гляди!
Столп соляной —
вот что за тобой.
Серная пыль —
города быль.
Пламени шар.
Стар уже, стар.
От себя же деться некуда, некуда.
В никуда.

Увы! Я Каин — вечно каюсь.
Кто Авель?
Где безвинно павший от кинжала,
что с гневной дрожью жмет моя рука?

Псевдокаин

Закован в кандалы безучасти и страха,
насквозь ты состоишь из праха.
Из измышлений суеверных и памяти, как суеты.
Придет же время, вспомнишь ты
удар предательской рукою.
И Авель, павший под тобою,
взовется в небеса укором.
Испепелит тебя он взором
и кандалы безучасти твои.
Безропотно ты приговор прими,
и поклонись ему ты низко.
Уж близко твоя гибель, близко.
Уж камни покаянья роковой судьбой
в могилу тянутся гурьбой.
Они одни — никто другой
не уживется там с тобой.

Андрей Логинов

«От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала».

А. Ахматова

Хула для Господа хвала.
И как бы ни была полна
плюющей злобою она,
хула для Господа хвала.
Хвала ему же безразлична.
Скорее даже неприлична:
кто напрямую хвалит — лично
Всевышнего? Вот если б зычно
проклятья Богу б вознести
и в норму жизни возвести
Создателя хуленье,
благословленье
ответом сразу будет.
Любовь Его себе добудет
тот, кто хулить решится Бога.
Ведь эта в рай ведет дорога!

Поднявшийся до того, чтобы понять, скорее, почувствовать никчемность и бесполезность взываний к Богу (в принципе: о пощаде ли, просьбе ли, прощении, тем более благодати), — понимает и ненаказуемость проклятий, обращенных к Богу же.

Отсюда: перестающий взывать к Господу и швыряющий в Него проклятья — не герой-духоборец, но дешевый позер.

Андрей Логинов

Как правило, именно краеугольный камень становится главным камнем преткновения!

Радуйся, равви!

Иисус велик, но велик и Иуда.

Единственный из всех учеников Христовых, Иуда насквозь понял Учителя, проникся им, вошел в самого Христа. Сын Божий, явившись в мир, должен был зажечь человечество и своею гибелью в расцвете сил спасти от грехопадения весь его род. Искупить перед Господом Грех человеческий, чистыми привести паству к Судии на великое судилище содеянного душами.

Всеми своими проповедями Иисус сочил идею отрешения от мирского, исподволь предлагал за ним идущим подвиг — распять Христа. Может, и признавали это ученики Спасителя, но боялись признаться себе в таковой крамоле, гнали в панике саму мысль о сем.

Предназначенное с самого рождения вмешивалось в судьбу Иуды, ожесточало, бичевало, растирало в грязи предателя сына Божьего. Но Иуда-человек боролся с роком. То была великая борьба. Грязный и подлый, мятущийся и хныкающий, брюзжа и обманывая, он искал истину в себе и в жизни самой. Иуда раньше Христа принял мучения Христовы, ежеминутно переживал ужас отвержения души от Спасителя. Видел это Иисус, но нужен был ему подобный шаг, и он, крепившись сам, подводил Иуду к страшному. Уверенно подталкивал осознавшего к предательству.

Был ли смысл выдавать Христа властям, когда знали его все? Все заслушивались его проповедями, а потом все же (а не Иуда) исступленно кричали: «Распни его!»

Да, смысл предательства был именно в трагизме содеянного, только в его бездонной подлости и коварстве мог так засверкать Иисус-жертва.

Умереть на Кресте, чтобы воскреснуть в сердцах. Спасибо тебе, Иуда. Осанна! Свершилось.

Теперь есть чистота и святость. Пример. Есть и презренный укор, грязь. Отвержение. Иуда понял Христа и безропотно (отблевывая и хныкая не ему — для омерзительности образа в глазах других) исполнил свой ужасный долг.

Он нес свой крест, который был не легче Креста Голгофы; он делал все, чтобы быть чернее, чтобы ярче рядом светил Спаситель.

Одно понимание того, что все ныне живущие и кто придет на землю позже, возненавидят Иуду, делало его бесконечно страдающим, но сознание святости своей миссии (о кощунство!) делало его также выше всех людей. Несомненно достойнее недалеких и трусливых апостолов.

Будь же славен, Иуда, давший человечеству во-скрешение Христа.

Ты с честью выполнил предназначенное и наложил на себя руки. Треснувшая ветка смоковницы, не захотевшая держать петлю с твоим телом, была последней точкой в великом и страшном пути твоём. Верно, сейчас ты первый из святых и последний из грешников.

Где ты, Иуда?

Принцип утверждения человека —
через разрушение им же созданного
к тупику безысходности — реконструкции.

Распни!
Пусть за тобой
будут угли и пни.

Распни!
Ударь же хоть раз,
хоть раз пни.

Распни!
Пусть черным веером
листаются дни.

Распни!
Пусть услышат, узнают,
пусть вздрогнут они.

Распни же себя.
Ну же! Распни.

С руками грязными, но совестью чистой.
Вот чистые руки, а совесть в грязи.

Крестом-перекрестком пути

Всю жизнь кичился тем,
что на Голгофу нес свой крест.
А оглянулся — обомлел:
сколь многих ты прибил к кресту.
Выходит, ты не нес свой крест —
ты распинал других!
Иль в том и есть твое признание?
А вот иное:
все мужество и честность проявив,
сознательно ты палачом явился.
И вызвался распять невинного агнца.
Но на поверку вышло,
что самого себя, ничтожного, гвоздил.
Свою лишь сущность бросил на распятие.
И принял в том свой крест.
Святость.

Андрей Логинов

В здоровом теле
здоровье двух.
Но дух на деле
давно потух.

Инок к иноку с мольбой

Я с тобой рядом боль терплю,
одной с тобой питаюсь пищей.
В одной я келье с тобой сплю,
и оба мы с тобою нищи.
Пусть не напомнит сон зевотой
постели мягкой белизну.
Пусть пуст живот — с его заботой
молиться нам не в новизну.
Пусть в храме плоть молчит, не дышит.
Греховность мыслей на замок.
А то как вдруг Господь услышит,
что дух святого занемог?
Что не унять сердцебиений
среди гулких стен монастыря.
Что уж устали от видений
и ты, мой брат монах, и я.
Когда плечо к плечу во храм
войдем с тобою, как для битвы,
и к Богоматери стопам
мы припадем, творя молитвы,
мой брат, прошу, не проклинай
в призывах страстных упоенья.
Удел свой тяжкий почитай,
монахом будь без сожаленья.

Дурака работа ищет,
умного же ищет что?

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет.

Умный нет — лоб сбережет, помня себя, хлопотать о благе будет.

Разрешение в забвеньи.

Андрей Логинов

Долг

Во мне живет Иисус, но я не христианин. Не христианин только потому, что до сих пор не встретил, не нашел, быть может, не узнал своего Иоанна Крестителя.

Уже Ирод давно на троне, и Понтий Пилат готов умыть свои руки, уже робкая стайка апостолов, то по очереди, то все сразу примеряет плащ Иуды, уже простелен Скорбный Путь, а благословляющего на Голгофу все нет. И не один уже Варавва отпущен на все четыре стороны, и толпа уже давно перешептывается зловецим — «Распни!», но все еще не вкопан крест в макушку Лысой горы. Да что там — Успение Богородицы уже состоялось, а я все брожу в преддверии, нося в себе божественный свет ожидания.

В подобном личном богоосознании нет никакой исключительности. Для каждого смерть его матери по вселенскому масштабу катастрофы есть Успение Богородицы. Наверняка каждый готов взойти на крест ради хотя бы еще одного мгновения света для давшей ему жизнь.

Родителям не должно переживать своих детей...

Но как бы Иисус состоялся в Боге, если бы Дева Мария не сопровождала его на Голгофу? Мягко, как полагается истинной матери, оставаясь в тени и не вмешиваясь в предназначенное, поддержала она Христа смирением и всей светлостью своей души. Ведь именно мать должна была пережить ужас

казни единственного сына, снять с Креста Спасителя, омыть его и благословить невинно пострадавшего на воскресение. Значит, каждый из живущих, даже пережив свою мать, должен оправдать святость ее миссии в этом мире. Дать право любой матери стать Богородицей, а значит, для этого каждый должен подняться своей жизнью до жития Господа.

Каждый должен пронзить свое сердце богоосознанием.

Каждый.

О Мадонна!

Ты же снять должна с креста,
почему же ты ушла?

Ты должна меня омыть,
как теперь в грязи мне жить?

...Не ты должна, но я *должен*.

Мама Мадонна

Великая богиня —
Твое, родная, имя.
А я с Тобою рядом
Всего лишь скромный бог.
Один взошел, не стадом,
И все с Тобою смог.
Преклоняюсь.

* * *

Омой меня, мирром намажь,
плащаницей укрой
и оставь.
Дай мне три дня,
Я вернусь.

Фоме подтверждение

Богоявленность
боком выходит —
стигмами под ребром.
Истекаю.

Андрей Лошинов

Шрамом меченная плоть,
кровью моченная плеть.
И венец надеть успеть...

День поругания

Помяни меня всеу,
хоть так помяни.
Как конь стою в сбруе,
спеленали ремни.
Виски венец режет,
спина вся в плетях.
Как голос твой нежен,
мой царственный страх.
Как сладостна нега
моей немоты.
Как холодом снега
касаешься ты.
Все выше я, выше
душой от земли.
Помяни меня, слышишь?
Хлыстом помяни.

Не рассчитывайте, что найдете Бога,
стоящего в упряжке человеческой морали, —
только смертный может смириться
со стойлом общественной этики.

Да, Я Христос!

Страдать за ближнего — страдаю,
И к божеству Я призываю,
И истину в Себе несу.
Как хищник мечется в лесу,
Который весь гудит облавой,
Так Я, обремененный славой,
Ищу укромности приют,
Куда придут, но не найдут
Затравленного миром зверя.
Апостолы же, свято в Меня веря,
Потупив взор, идею предадут.
Придут, они потом придут
В Мой стан священный,
И сокровенный будут разговор вести
О том, как святость обрести.
Но на Голгофу крест нести
увы, пророки, Мне.
Сейчас сажу на веры пне
И жду Я поцелуй Иуды.
Его уж впредь Я не забуду.
Откликнется он жаром от плетей,
И кровью брызнет на детей.
Гвоздями буду вбит Я в тень сердец.
Отец, дай силы Мне, Отец!
Прими Меня, Я искупаю грех —
За всех.
... Ты слышишь ли?

За всех.

Андрей Логинов

«Образ ужаса, ты знак радости и Любви!»

Апостол Андрей
о Кресте

Мой крест

Не испачкаю стопы мирской пылью —
не кандалы мой крест, но крылья!
Выбор больно невелик —
кровью залит в венце лик.
К воскресению тянусь:
трудно, больно — поднимусь!
От объятия взмахом крыльев-рук
до распятия слышу горна звук.

Что желаннее: семь футов под килем
или пятнадцать футов над головой?

Via de la Rosa

Тяжело ли ты несешь?
Вот плечо — с собой возьмешь?
Только под ноги смотри,
дня осталось еще три.
Не смей взгляда поднимать,
обессилит в слезах мать.
Почему так бледен лик?
Крест уж больно-то велик!
Пот кровавый вниз струится —
вот бы уксусу напиться,
вот копьё бы под ребро,
и скорей бы отлегло.

Андрей Логинов

Окольный путь украшен розами,
а главный Путь — всегда в шипах.

Смотрины

Взгляд с креста,
взлет Христа.
В ряд лета,
вряд ли — та.
Где ты, Мария?
Утри своей прядью
ноги мои.

Как больно жить мертвым!

Осознание

Богом забытый,
гвоздями прибитый,
столько уж лет я вишу на кресте.
Копьем прободенья
жду воскресенья.
Сколько уж лет я вишу на кресте?

Андрей Логинов

— Зачем ты идешь туда?
Там нет танца.
— Я иду туда, чтобы танец там был!

Про движение

Иисус по лилиям ступал,
и мне сей выбор тяжкий пал.
Продвижение.

* * *

Чтоб святым духом питаться,
до этого нужно подняться.
К этому нужно прийти,
чтобы Дух в своем сердце найти.

* * *

Годы, проходят годы.
Всходы, взошли лишь всходы.
Сквозь бури, ненастья, невзгоды.
Народы толпятся, народы.
На роды взирают, на роды.
Сиянье Вифлеемской звезды.

Андрей Лошинов

Что, вновь безверье?
Нет, предверье
того, что полным будет доверием.

Столпы Папы

Верным псом у ног сидеть —
так с достоинством сесть!
Domine canes.
Трепет чувственный являть —
у креста всю жизнь стоять.
Santa Francesko.
Гордыни смиренье —
к могуществу рвенье.
Loiola.
Amen.

Вторую щеку подставлять надо так, чтобы бьющая рука рассыпалась. Или уж, во всяком случае, обожглась. Именно так проявлял свою волю Спаситель. Твердыня терпимости.

Подставляя щеку

Пусть снова в жиру фарисеи
доверчивый портят народ.
Пусть горы давно польсели
и сохнет от уксуса рот.
Леса пусть давно порубили
на балки казенных крестов.
Пусть мощи святых давно сгнили,
как вера — до самых основ.
Пусть.

Андрей Логинов

Мария-мироносица
(к Марии без апостолов)

12 лет — по году за апостола —
рожденья твоего ждать.
Потом еще 20 искать.
Найти, обняться
и так остаться
до Скорбного Пути.
Мне по нему с Крестом идти
с твоею святостию. Сила.
Не только любо или мило —
твоя рука необходима,
когда с Крестом пойду я мимо.
Твой страстный взор
пронзит в упор —
поддержит на Кресте.
Как на завьюженном листе
я вознесусь к Отцу душою.
Такого лишь с тобою стою.
Утрешь рукою пот со лба
и после примешь со столба.
Когда пойду я на Голгофу,
мне надо знать, что рядом ты.
Скажи, когда пойду я на Голгофу?
Ответь, и будешь ль рядом ты?

Доступность пороку —
что в этом проку?
Вот вере служенье —
освобожденье!

Мария

Я Христу омою ноги,
лик платком своим утру.
Тело я вручала многим,
возвращали мне к утру.
Мое тело раз от разу
отдавали все дряблей.
Боже, Боже, как же сразу
удалось мне стать мудрей.
Тело, тело молодое —
все упругое.
Раньше было дорогое —
только дура я!
Душу я не продавала,
свято чувства берегла.
Тело только отдавала —
сердце же я стерегла.
Теперь знает вся Магдала —
я Христа невестой стала.
Чувство боли не обманешь,
правду кровью обретешь.
Знаю — Господом ты станешь,
нас к спасенью подведешь.

Андрей Логинов

Светлая печаль, светлая...

Зов Голгофы

Моя с трепетом рвется душа —
туда.

Туда, где распяли Христа.

Места,

до чего там родные места!

Труда,

какого мне стоит труда

босиком не уйти туда.

Участливая отзывчивость

Мы друзья, мы с тобою, мы рядом!
Мы подбросим тебя до Голгофы.
И проводим печальным мы взглядом
твою душу в момент катастрофы.

* * *

Моя строфа пусть не затронет
безвольной суеты.
Моя Голгофа пусть же будет
рекордной высоты.
Тяжек крест.

Андрей Лошинов

Чужих грехов во искупление
биеньем сердца передал.
Молитвы шепот испугленья —
он божьей благодати ждал.

С глубокой благодарностью
за высокое благоприятие,
за стойкое благонесение,
за заблудших душ спасение,
за благо.
Спасибо.

Опять, опять и снова
по кельям гулким звон.
Я слышу! Всюду слышу!
Предсмертный милой стон.

Эхо шагов

Колыхание ветра — в трепете рясы.
Порывы страстей — в дрожи борьбы.
Проклятья страданий — богине любви.
Мученье решений — обманут и вот
тяжелым распятым лег крест на живот.
Живет монах не суетливой бранью
о благостях мирских в быту,
но дышит он одной надеждой — гранью,
определившей вечности черту.

Андрей Логинов

В потрепанных джинсах
по миру кочуя,
жалеет Иисус, что воскрес.
Будда, на землю
явившись Майтрейей,
не знает, кого уж спасать.

И мы не верим обману,
в поступка небрежный жест:
Христос, отошедший в Nirvanу,
и Будда, взошедший на крест.

Как часто человек забывает о своей божественной сути, сокрытой в душе.

Низменность же ежеминутно напоминает о себе грубой проявленностью.

Если даже самому слабому убедительно сказать о его силе, он почувствует себя сильным.

Если самому сильному сумеет показать его слабость, он заколеблется.

В нас сполна живут Иуда и Христос. Весь вопрос только в том, кого же из них мы научились слышать!

В любом человеке есть искра Бога.

В одних она все реже проблескивает, в других же разгорается до божественного пожара души, являя собой самую священную суть — запредельность.

Андрей Лошинов

Взвешенная вечностью судьба.

Как от свежей плащаницы,
отстраниться от страницы.
Чистой, как небес снега.
Как Христа омытая нога,
ввысь ступившая с гробницы.
Как же к ней мне подступиться?
Что оставить на листе?
Чувства те.
Те, которым ты обязан.
Из которых узел связан,
что стучит в твоей груди.
Жди.
Они тебя поднимут
к той небесной чистоте.
Пошлой плоти тяжесть снимут
чувства те.

Завоевавшийся писатель,
исправившийся поэт,
как землю роющий отирается,
в том месте, золота уже нет!

Ниже следует попытка оправдаться, прячась за имена. Оправдаться перед собой — читатель, надеюсь, снисходительно и великодушно меня уже простил.

Забывший имя

Загрузка на закуску

«Но не будем говорить о благоразумии: оно враг поэзии».

В. Белинский

Конечно! Благоразумнее говорить о безрассудстве — более чем друге поэзии. Поза экстравагантности, идиотический развал сознания здесь ни при чем. Определяющий лозунг поэта, выраженный в призыве: Бойтесь психиатрии! Душа должна болеть! — и есть точка отсчета итоговой темы.

Хотя порой воспаленное бремя интеллекта требует смирительной рубашки, дух все же обязан витать, где хочет. Тогда приходит понимание, что свобода — это когда не можешь иначе!

«Художник как идеальная система хаоса. Стихия — будем точнее». Оно! Здесь же А. Сокуров идет дальше: «И вообще слово “система” совершенно не подходит к нашему предмету». В свое время А. Блок пытался упорядочить подобное состояние через творческий процесс, заявляя, что призвание поэта — из хаоса создавать гармонию. Тогда он умолчал о цене, какой достигается власть над музой. К чести поэта, красноречивее любых слов оказались жизнь и смерть А. Блока.

Вообще эстетическая претензия о чреватости слова смыслом далеко не всегда оправданна. Даже если предположить верность спорной аксиомы, то и в этом случае необходимо признать, что смысл — не более чем надежда!

Поэзия вынужденно прибегает к жертвоприношению слов и в ответ получает доступ к вибрациям вселенской интуиции. А дальше остается привести в соответствие (условное: через код, ключ) проявление чувства с выражением мысли.

Если продолжить беглый экскурс по галерее авторитетов инженерии души, то стоит подхватить Нобелевскую речь И. Бродского, где поэзия определяется как «единственно возможная страховка против вульгарности человеческого сердца» и читатель предостерегается от восприятия стихов в виде безобидной забавы рифмованных (или ритмичных) словес. Лауреат убеждает, что «поэзия — не форма развлечения и, в определенном смысле, *даже не вид искусства* (курсив мой — А. Л.), а наша антропологическая, генетическая цель, наш эволюционный, лингвистический маяк». «Не читая и не слушая поэтов, общество приговаривает себя к низшим видам артикуляции, таким, как у политика, торговца или шарлатана...»

Сегодняшний баловень литературного Олимпа М. Уэльбек более категоричен и доводит эту мысль до препарированного парадокса. По его мнению, при достижении определенного уровня сознания раздается крик, с которого и начинается поэзия. Она, как заявляет Уэльбек, предшествует членораздельной речи.

Наверное, этому французскому наследнику «проклятых» поэтов еще предстоит открыть, что поэзия криком и завершается, только гораздо большего надрыва.

М. Уэльбеку можно простить заявление, что «поэт — это священный паразит» за его формулу: «Верьте в торжество Истины, Красоты и Добра!» (Увы, так захотелось прочитать мне. В оригинале записано не «торжество», но «тождество». Что, впрочем, тоже немало). Вывод же, что «любая великая страсть ведет в бесконечность» слишком хорош и увлекает заманчивой перспективой: «Как любовь разрешает все проблемы, так великая страсть в конце концов выводит в пространства истины. В пространства совершенно иные, где находиться мучительно, но где взгляд обретает зоркость и ясность. Где вещи предстают в первозданной чистоте, в прозрачности истины...» В этих строках Уэльбека слышится переключка с Сэлинджером, понимавшим поэта как носителя исключительной способности непосредственного знания вещей, а не писателя стихов. И впрямь, ведь еще Басф обронил, что редкая удача для поэта написать за свою жизнь более пары стихов...

Увлечение миазмами графоманского маразма не может быть уделом поэта! Его стезя — без умие. Тут уместно привести высказывание того же Уэльбека: «научиться быть поэтом — значит разучиться жить».

Данное определение в полной мере соответствует действительности и подводит нас к утверждению, с которого мы начали разговор. С чего вообще — всц начали...

Попытка оправдаться, прячась за имена, провалилась.

...Вами прощен, для себя не оправдан...

Вместе с тем появилась возможность вспомнить свое имя и, не оправдываясь, заявить — поэт Андрей Логинов.

...А так хочется его (ее, всц) забыть!

Но об этом уже позаботитесь вы.

*Я для вас, оставшихся всех дома,
растворился в звонкой синеве...*

Андрей Логинов
ПОРВАННОЕ ОБЛАКО

Издательство «ТРИАДА»

Директор издательства *В. Н. Соколов*
Корректор *А. С. Марголина*
Верстальщик *И. А. Савельева*

199178, Санкт-Петербург,
В. О. 15-я линия, д. 28, литер. «А»

Тел./факс: (812) 327-7237, тел. (812) 321-8915
www.triads.ru; triads@mail.ru

Подписано в печать
Формат издания 70x100/32
Объем 12 п. л. Тираж 2000 экз.

Оригинал-макет подготовлен «Диада-СПб».
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12